

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560

№ 3 (46) 2023

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2023

О пути к сердцу мужчины и не только

Снова осень... Черт возьми, как надоела эта фраза! Особенно если проговариваешь ее не один десяток лет. Однако... Однако ничего не поделаешь. Со двора ее, горемычную, не прогонишь, в спячку впасть, как медведь, не получится. А было бы здорово: вечером уснул – лето кончилось, проснулся – на дворе весна, солнце в окна бьет, ручьи звенят, капель по карнизу барабанную дробь отбивает. Впрочем, тогда ведь жизнь в два раза быстрее проскочит, а она и так летит – не остановишь, и с каждым годом все быстрее.

Мало кто осень любит. Хандра одолевает, сонливость наваливается, сны какие-то странные снятся, отдохнуть не успеваешь, пальто тяжелое на плечи давит, сапоги как кувалды на ногах, это после легких босоножек-то. Да еще и болезни всяческие обостряются. В общем, сплошной пессимизм и дискомфорт.

Впрочем, все ведь зависит не от погоды, которой у природы, как известно, не бывает плохой, а от нашего взгляда на эту погоду. Как уверяют всеведущие психологи, все люди живут в двух реальностях: первая – та, что объективная, не зависящая от нашего мировосприятия, а вторая – наша личная, которая с объективной часто не совпадает. Скажем, если в своей собственной вселенной женщина считает себя толстой, то никто ее не переубедит, что сорок шестой размер одежды при росте сто семьдесят – идеальное соотношение. Она точно знает, что толстая. Так и с осенью. Если человек уверен, что осень – это плохо, тоскливо, сопливо и грязно, то именно это он и будет видеть каждый день, выходя из подъезда собственного дома. В общем, хочешь изменить мир – измени себя и свой взгляд на этот мир. Непростое, однако, занятие. А кто говорил, что будет легко?

Но есть еще один великолепный способ изменить настроение. Он, конечно, подходит к любому сезону, но осенью актуален особенно. Пара часов, а то и меньше – и результат не заставит себя ждать. Правда, придется немного потрудиться. Так без труда не выловишь рыбку из пруда! Теряетесь в догадках? Есть одна мудрая поговорка, придуманная нашими прабабушками. Думаю, это великое открытие им удалось сделать на основе собственного опыта, и звучит оно так: путь к сердцу мужчины лежит через желудок. О как! Вот только по моему глубокому убеждению касается это не только мужчин, но и женщин. Ну какая женщина не растает, если мужчина предложит ей ужин с шампанским, приготовленный своими руками. А если мужчина готов занять место у плиты на постоянной основе, так от такого выгодного кавалера ни одна здравомыслящая женщина не откажется. Ну а даже если человек одинок, то вкусная еда, а особенно самолично приготовленная, несомненно повысит настроение и спасет от осеннего обострения. Так что волшебный способ этот – кулинарный.

На самом деле никакого волшебства тут нет. При приеме пищи у человека вырабатываются гормоны удовольствия, такие как серотонин и дофамин. Однако на наше настроение влияет не только качество и состав пищи, но и эстетическая сторона. Красивое вкусное блюдо поднимет настроение в самый хмурый и дождливый день. Кроме того, сам

процесс приготовления, особенно если это делается с душой, отвлечет от грустных мыслей. А если подойти к процессу творчески, то можно создать не просто вкусное блюдо, но и целое произведение искусства, которое будет радовать и вас, и ваших близких.

Итак, вот вам мои кулинарные лекарства от осенней хандры.

Без сомнения, самые осенние напитки – какао и глинтвейн.

Рецепт 1. Какао «Октябрь»

2 чайные ложки какао, 1 чайная ложка сахара, 1 большая кружка молока. Какао и сахар заливаете небольшим количеством горячего молока, тщательно размешиваете, затем добавляете оставшееся молоко, немного корицы, мациса или молотого мускатного ореха и кайенского перца. Доводите до кипения и вуаля – напиток готов. Сахар можно заменить сиропом топинамбура. В этом случае сироп добавляется по вкусу в уже готовый напиток

Рецепт 2. Глинтвейн обыкновенный

250 мл красного вина или виноградного сока, корица, гвоздика, цедра апельсина, звездочка бадьяна, зернышко кардамона, сушеные яблоки, 2 горошины душистого перца и пара ягод можжевельника. Все ингредиенты смешать, залить в кастрюльку, довести до кипения, но не кипятить. Употреблять немедленно, не дожидаясь, пока остынет.

Теперь о выпечке. Пожалуй, самый легкий и любимый пирог в осеннюю пору – шарлотка. В саду созревают яблоки, падают на землю и требуют немедленной переработки. Ну как тут не испечь шарлотку! Думаю, нет такой хозяйки, которая никогда не пекла шарлотку. Даже неудобно предлагать рецепт. И все же рискну.

Рецепт 3. Шарлотка

Для теста: 2 стакана муки, 2 стакана сахара, 3 яйца, 2 столовые ложки сметаны, немного корицы и разрыхлитель для теста (или половина столовой ложки соды, гашенной уксусом). Начинка: яблоки и грецкие орехи. Замесить тесто, смешав все ингредиенты. Грецкие орехи мелко нарубить или перемолоть в блендере. Дно и края формы смазать сливочным маслом, на дно выложить тонкий слой грецких орехов, затем слой яблок с корицей, залить тестом и выпекать при температуре 180 градусов 50 минут.

Рецепт 4. Торт брусничный

Тесто использовать как для шарлотки (см. рецепт выше), добавив половину стакана какао. Замесить шоколадное тесто, выложить в форму, выпекать при температуре 180 градусов 50 минут, дать бисквиту остыть и разрезать острым ножом на 3 коржа. Верхний и средний коржи пропитать брусничным вареньем. Варенья не жалеть! Нижний и средний коржи пропитать кремом, остатками крема смазать верхний корж. Для крема взбейте жирную сметану (25 %) и сахар. Поставьте в холодильник на 2–3 часа и ешьте с удовольствием.

А теперь представьте: холодный ноябрьский вечер. С самого утра идет дождь. Барабанит монотонно по карнизу, с ветром о чем-то спорит. Небо хмурое, серое. А вы сидите в теплой комнате, в углу уютно горит торшер, тихо играет музыка. Свеча! Обязательно на столе горит свеча. Пахнет глинтвейном и брусничным тортом. Ну как может быть настроение плохим?! Слушайте, а давайте пригласим друзей! Пусть они придут, мокрые куртки повесят в прихожей, откроют зонтики и поставят на лестничной площадке – пусть сохнут. И пусть будут разговоры до полуночи, а может быть, даже танцы, и смех, и осень, та самая осень, которую никто отчего-то не любит...

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

АНАСТАСИЯ МИНУСЕНКО (г. Яровое, Алтайский край)

ПОЛИНА ЛАЗАРЕВА (г. Данков, Липецкая область)

- НАРОДНАЯ ИКОНА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА РУССКОГО НАРОДА

7

ПРОЗА

ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВ (Москва)

- КАК ПРАВИЛЬНО ЕСТЬ ЧЕРНУЮ ИКРУ
- О ТОМ, КАК ШУБА В АЗОВСКОМ МОРЕ ИСКУПАЛСЯ
- ОСОБЕННЫЙ КАЙФ ШУБЫ

СВЕТЛАНА КУЛИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- КУЛИЧИКИ
- МАТРИАРХАТ

17

19

21

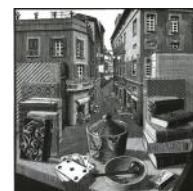
23

31

ПУБЛИЦИСТИКА

ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, Москва)

- «ИСТОРИЧЕСКИ ДЕТЕКТИВ – ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА». Выступление на Круглом столе № 10 «Что такое детектив?»

41

ПОЭЗИЯ

ГАЛИНА КЛЮЧНИКОВА (г. Сергиев Посад)

ОЛЬГА ФЛЯРКОВСКАЯ (Москва)

НИКИТА БРАГИН (Москва)

ВАЛЕРИЙ ТЕРКИН (г. Сергиев Посад)

ВАЛЕРИЙ МАЗМАНЯН (Москва)

44

47

50

56

60

Призеры конкурса «Путевка в жизнь»:

ОЛЬГА ПЕРЕВЕРЗЕВА

ВАЛЕНТИНА ПШЕНИЧНОВА

ТАТЬЯНА САВСЮК

СВЕТЛАНА СЕЛЕЗНЕВА

МАРИНА ТАРНОПОЛЬСКАЯ

ДАРЬЯ ТРУФАНОВА

ДАРЬЯ ТАТАРЧУК

63

64

64

65

65

66

66

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- УМНИЦА КЕЙТ АТКИНСОН. Выступление на Круглом столе № 10 «Что такое детектив?»

67

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

СЕРГЕЙ ЕРЕМЕЕВ (Москва)

- СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

СЕРГЕЙ КРУГЛОВ (СЕРОДИВ) (г. Геническ, Херсонская обл.)

- ЗАГОВОР ДВУХ ПОПУГАЕВ. Рассказ
- КОШАЧЬЯ РОМАНТИКА. Рассказ

69

75

78

ГАЛЕРЕЯ BazART

ДВЕ ОСЕННИЕ ВЫСТАВКИ на тему «ПЛЕНЭР»

Художник Екатерина Клочкова и ее ученики.
Краткий обзор

83

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

АНАСТАСИЯ МИЛЮТИНА (Москва)

- ПО СЛЕДАМ ПЕРМСКОГО ПЕРИОДА
Хроники одного путешествия

84

*В оформлении журнала использованы
репродукции картин и иллюстраци М. Эшера, Е. Клочковой, А. Седовой,
Д. Арбузова, С. Ипатовой, П. Ягольниковой,
фотографии из авторских архивов А. Минусенко, П. Лазарева, А. Милютиной,
фотоархивов МОССАЛИТа, открытых интернет-источников.*

На обложке:

Екатерина Клочкова. Мышкин. Бумага, акварель. 2023

Руководитель проекта Ольга Грушевская
Главный редактор Светлана Сударикова
Редактор-корректор Ирина Чижова
Художественный редактор Ольга Грушевская

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова

«Поэзия» – Алексей Казарновский, Ольга Уваркина, Юлия Сорокина

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

«Культурное наследие» – Ольга Грушевская, Светлана Сударикова
 «Частная территория» – Светлана Сударикова
 «Публицистика», «Голос прошлого – литературная критика» – Петр Дубенко
 «BAZART» – Ольга Грушевская
 «Записки на манжете» – Ольга Рыбакова
 «Детское чтение» – Ольга Уваркина
 «Собираем чемоданы» – Анастасия Милютина

Екатерина Ключкова. Натюрморт с арбузом. Холст, масло. 2023

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

www.moscowbazar.com

© МОССАЛИТ

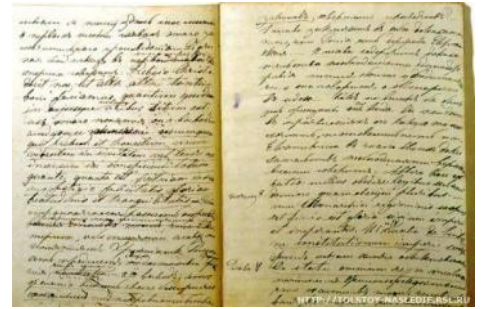
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Анастасия Минусенко

(г. Яровое, Алтайский край)

Полина Лазарева

(г. Данков, Липецкая область)

НАРОДНАЯ ИКОНА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Авторы статьи – студентки факультета искусствоведения

Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова.

Фото из авторского архива

Глава 1

Ты подходишь ко мне, садишься рядом, подпираешь щеку кулачком и вздыхаешь. Я знаю, что ты хочешь сказать. Что нет теперь той загадочной и прекрасной России, что время удачи и чистоты прошло, что мы уж слишком оторвались и поиски наши тщетны. А если я возражу тебе? Если приоткрою тебе трогательный, чуть наивный и оттого еще более родной мир? О чем это я? Сейчас поймешь. Сядь поближе, друг, наливай чай и готовься слушать, я расскажу тебе о народной иконе.

Вот представь себя в Древней Руси, да-да, в той самой. Веке этак в XIII–XIV. Посмотри вокруг, сколько великолепных храмов возвышается, как ослепительно блестят на них кресты. А зайдя внутрь: по стенам роспись, а прямо перед тобой торжественный иконостас. Десятки строгих и милостивых ликов смотрят на тебя, освещаемые солнцем и огоньками лампад. Блики бегают по драгоценным окладам, играют на золотых нимбах, тонут в заботливо прописанном личном. Ты застываешь в прохладе и полумраке, не в силах отвести взгляд.

Но отвлеку тебя, уж прости. Знаешь ли ты, сколько стоит каждая из этих икон? Гораздо больше, чем ты думаешь. Выйдем, пройдемся. Посмотри на ту деревеньку в долине – ее можно целиком купить за две-три подобные иконы. Ведь каждая из них требует огромного труда: для такой проработки рисунка сам мастер должен быть высоким профессионалом, а сколько людей работает, прежде чем иконописец приступит к образу святого! Хорошие краски и золото (а без него никуда, что еще сможет так передать божественный свет?) нынче в цене, да и всегда были и будут. И это только техническая сторона вопроса. Вспомни, что каждая деталь на иконе символична и может иметь множество значений, что нужно следовать канонам, при этом грамотно и гармонично выражая духовную идею. Да, все не так просто.

Но ты вправе спросить: а что же обычные люди? Всем нужен красный угол. Всем венчаться, крестить детей, просто молиться, и для этого нужны образа – как быть? Можно найти мастера подешевле, убор сделать попроще, но все равно икона останется великой ценностью. И вот

однажды простая крестьяночка замечает у подруги красивую расписную прялку, чего на ней только нет: и добрый молодец, и красная девица. «Откуда?» – «Да муж сделал. А чем тот богатырь не Георгий Победоносец?» (рисунки 1).

«Вот бы супруг твой и мне такого написал, коли он такой мастер!» – «И слушать не будет – а ну как узнают и донесут? Тогда за такое дело не сносить милому головы».

Все несколько меняется с приходом к власти Петра Первого. Положение церкви, и без того подорванное расколом, становится совсем иным. Теперь это государственный аппарат, управляемый чиновником. Однако надзор за иконописными мастерскими снижается. Вот тут-то и расцветает народная икона.

«Да что же это такое, в конце-то концов?» – нетерпеливо вскрикнешь ты. И впрямь самое время объяснить. Народная икона – тот образ, что пишется не в профессиональной мастерской.

Рисунок 1

Положим, умеет кто сундучки расписывать или те же прялки – так для соседа не жалко и Николу Угодника нарисовать. Догадываюсь, о чем ты думаешь: «И всего-то? Что ж такого в этом? И стоило ли так беспокоиться?»

И вновь возражу тебе: что письмо не такое тонкое будет или без оклада икона останется – действительно не беда, не в кафедральный собор несем. Но ты ведь помнишь, что в иконе важна каждая деталь. Часто их пропускают, теряется богословский подтекст, символы, значения. Случаются и совсем грубые ошибки. Но об этом поговорим позже, пока ты не решил, что народная икона – это что-то вредное, о чем и знать не надо. А меж тем это необозримое поле для исследования жизни народа, его мысли и искусства. Идем, я расскажу подробнее...

Глава 2

Прежде чем говорить о разнообразии и, самое главное, своеобразии народных икон, позволь познакомить тебя с основными отличиями их от канонических икон.

У профессиональной иконы обязательно есть ковчег, то есть вытесанное углубление. Во-первых, это защищает основное изображение, которое в этом самом углублении пишется. Во-вторых, служит символом спасения: в Ноевом ковчеге физически спаслась жизнь на Земле, а в ковчеге Завета хранились заповеди, сохраняющие духовный облик людей. У народной иконы такая особенность в большинстве случаев отсутствует – так ведь проще технически. Но, видимо, иной умелец понимал, что значима каждая, даже на первый взгляд исключительно практического предназначения деталь, а потому прорисовывал рамку, подобие полей. Также часто отсутствует паволока – льняная ткань, дополнительно скрепляющая части досок, а вместе с ней и то символическое значение, что она несет. Да и сама доска часто бывает не самого высокого качества, зато легкая и дешевая. Краски в основном более жидкие, без дорогих

красителей, отчего и колорит становится более локальным... Да, да, вижу, утомила тебя. Давай поговорим о чем-то более интересном.

Многое остается загадкой в народной иконе, а знаешь почему? Не так давно ее начали серьезно изучать, да и вообще считать видом искусства. Долго к ней относились как к чему-то примитивному, грубому, не заслуживающему внимания. Не собираюсь переубеждать тебя, но взгляни сам. Как они различаются техникой, уровнем мастерства, подходом, колоритом... Все это требует тщательного изучения, классификации и так далее. Впрочем, сейчас не о том. Лучше посмотрим внимательнее, какие виды народной иконы мы сможем выделить сами.

Разумеется, народный мастер почти никогда не писал икону без образца. Только вот этим самым образцом могла стать не только каноническая православная икона, но начнем, пожалуй, с нее. Вот перед тобой два произведения.

Оба носят название «Казанская икона Божьей Матери». Но ты ведь безошибочно отличишь народную, верно? Произвольного цвета фон, более резкие пробела, отсутствие креста в нимбе Христа, менее изящные черты лица... Да, все так. Но это все-таки написанная на достаточно высоком уровне икона. Обрати внимание на выразительность ликов, на аккуратность узора на одеждах, на проработку складок самих одежд (рисунки 2).

Рисунок 2

Есть и более наивные произведения: вот еще одна Казанская. Еще более графичная, едва ли не схематичная. Однако какая красноречивая! Пусть эмоции гипертрофированы, зато мы моментально считываем глубокую скорбь Богородицы, которой уготовано увидеть жестокую гибель собственного сына от человеческих рук. Юный Христос как будто даже не смотрит на молящегося, но каждый помнит, что спустя несколько лет, умирая на кресте, Он скажет: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят» (рисунки 3).

Рисунок 3

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

Или вот ты только посмотри на этот образ Иоанна Крестителя (рисунок 4)!

Да, да, понимаю, сперва трудно сдерживать улыбку. В чем же ценность этого простодушного, неловкого изображения? Да, собственно, в том, что оно именно такое. В народном сознании Предтеча из сурового пророка превращается в доброго, близкого каждому помощника и защитника. Да разве ж мог брат Христа быть иным? Нет, провозвестивший приход Спасителя человек точно был таким: открытым, располагающим к себе и к Тому, о ком говорит.

О такого рода примерах можно рассуждать очень долго. Но я ведь уже сказала, что не только привычные нам иконы становились образцами. Россия активно торговала с европейскими странами, купцы видели и европейские произведения церковной живописи. Нередко вместе с более свободными от строгих канонов приемами изображения проникали и зародившиеся в Европе еретические образы, в том числе запрещенные уже на своей родине.

Как тебе, например, вот такая Троица (рисунок 5) Немного пугает, верно? Да, не сразу установилась иконография триединого божества в виде ангелов, как мы привыкли видеть у Рублева. Это довольно позднее изображение, так уже несколько веков нельзя писать ни в России, ни за границей. Суть в том, что обычный человек пытался разгадать одну из тайн своей веры, возможно главную из них: каков на самом деле Тот, в кого он верит? Этот человек не был богословом или философом, он просто хотел хоть как-то объяснить себе то, что невозможно понять. И абсолютно не каноничное изображение откликнулось в его ищущей душе, привело образ для понимания, успокоило. Не стоит полностью оправдывать такие иконы, все-таки иконописные каноны и правила создаются по вполне объективным причинам и заслуживают того, чтобы им следовали. Но в данной ситуации главное то, что это не было простым копированием заморского изображения. Стремление поднять свою веру над простым исполнением ритуалов, сделать ее действительно главным ориентиром на жизненном пути, для чего она должна быть как можно более близкой и ясной, – вот что двигало мастером.

Рисунок 4

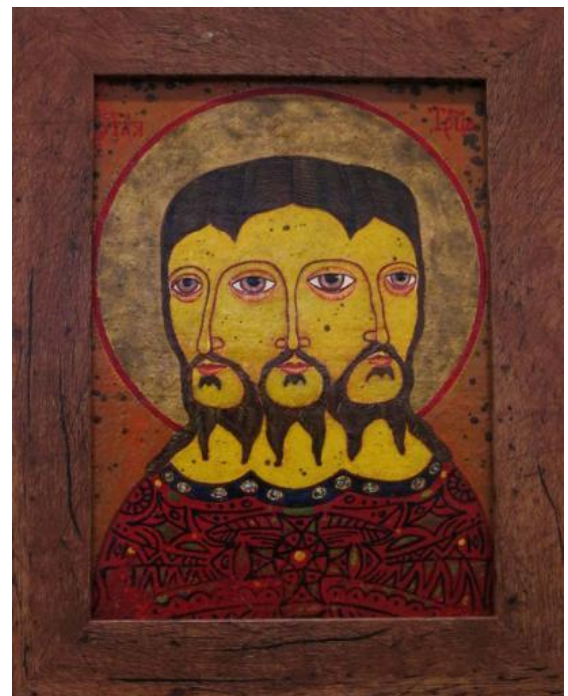

Рисунок 5

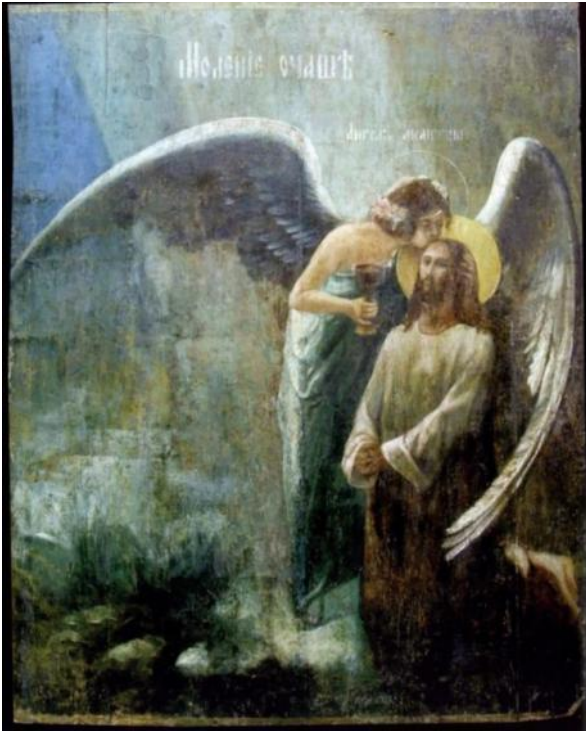

Рисунок 6

Особенно интересны иконы, берущие за образец произведения европейской религиозной живописи. Хорошим примером будет икона «Моление о чаше» (рисунок 6).

Согласись, нам странно видеть сочетание прописанного в объеме ангела и условных черт лица Христа, плавных линий крыльев и «деревянной» прямоты и статичности фигуры коленопреклоненного. Далеко не всё иконописцу удалось воплотить в жизнь, но налицо желание показать загадочный сюжет (каковым, безусловно, является одинокое моление в Гефсиманском саду), да еще и красиво. В поисках этой красоты, новых моментов и сцен и обращается мастер к нестандартному образцу.

Или вот еще, посмотри на этого едва ли не легионера в мантии и со знаменем крестоносцев (рисунок 7).

Рисунок 7

Согласись, что максимально ироничным было бы изображать так, ну, например, Александра Невского – знаменитейшего князя, борца с тевтонцами. Как ты уже догадался, это он и есть. Да, в русской художественной школе мы встречаем примеры изображений в античной или западноевропейской одежде и Владимира Красное Солнышко, и Дмитрия Донского, но очевидно, что в иконе не место подобным приемам, даже и имеющим разумное объяснение в светской живописи.

Однако в некоторых случаях критическое отношение к народной иконе имеет вполне логичное объяснение: в погоне за новым, необычным или от банального незнания зачастую, как это ни печально, распространяются противоречащие уставам и догматам церкви изображения.

Один такой пример мы уже разбирали – это неканоничный образ Святой Троицы. Представь себе, их гораздо больше, нежели хотелось бы. Вот еще одна икона: просто образец того, как не должна выглядеть каноничная православная икона. Для начала отметим, что изображать Бога Отца в человеческом облике нельзя. Как ни привыкли мы к образу седовласого старца на облаке – никто и никогда Его таким не видел.

Просто уж так давно проникла в Россию эта традиция, что в какой-то момент с ней перестали бороться. Но движемся далее. Треугольный нимб – обозначение Троицы, масонский символ и что угодно, но не каноничный элемент. Что уж говорить о странных ангелах и скипетре с тамплиерским крестом. Скорее всего, художнику не было дела ни до масонов, ни до тамплиеров, но в итоге получилась такая компиляция. Распространенность в народной иконе как не принятых именно в христианстве восточного образца сюжетов (например, коронование Девы Марии), так и просто грубых ошибок вроде изокефалии (равноголовие, расположение голов на одном уровне) в случае изображения Христа и святых, придает ей в глазах общества облик неканоничного, едва ли не вредного искусства.

Рисунок 8

Глава 3

Несмотря на то что народная икона предстает как нечто максимально дешевое и общедоступное, не стоит удивляться иконам в хороших окладах (рисунок 8).

Часто причиной обращения к непрофессиональному мастеру могла стать простая отдаленность от иконописных центров. При этом часто художник прописывал только личное (открытые части – лик, руки), лишь набрасывая то, что будет закрыто окладом. Вероятно, из-за той же отдаленности поновление качественных старинных икон доверяли народным иконописцам. По этой причине случаются разочарования у реставраторов: под снятым качественным слоем находится более ранний, но гораздо ниже по уровню. Конечно, современные технологии и приемы позволяют частично анализировать красочные слои без их уничтожения, но трудности все же остаются. Однако мы отвлеклись от темы.

Такие среднего достатка люди, которые заказывали или покупали у торговцев-офень подобные иконы, частенько коллекционировали другие товары подобных торговцев – расписные и резные изделия. Ты ведь знаешь, народ наш всегда любил, чтоб вещи вокруг, самые даже бытовые, были красивые, с узором. А иначе «неживая» это вещь, не будет от нее ни добра, ни пользы. И не только обычные предметы украсить было стремление, но и чтоб отдельно что-то этакое глаз радовало. Вспомни хотя бы Некрасова, его Яким:

Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;
Жена его тем временем
С иконами возилася,
А тут изба и рухнула —
Так оплошал Яким!

Любил «картиночки», за самое ценное в доме почитал. Стремление окружить себя чем-то прекрасным было присуще людям самого разного положения, несомненно. А потому я и предлагаю тебе рассмотреть народную икону в контексте народного промысла.

Многие особенности народной иконы совпадают с признаками, отличающими народный художественный промысел в целом. И это вполне логично. Ну вот давай представим: живешь ты в деревне какой-нибудь отдаленной губернии, может, даже на Севере. (О, Русский Север – тема. О которой нужно говорить долго и отдельно, пожалуй, оставим это до другого раза.) Достаток у тебя средний, на жизнь вполне хватает, но чтоб ехать в город да к известному иконописцу... И тут срочно нужна икона – может, родился кто, так образ небесного покровителя нужен, или дочь замуж выходит, так ей с «Богородицей» под венец идти, или вот нужен тебе позарез Сергей Радонежский, и все тут. К кому пойдешь? К тому, кто уже расписывать умеет, прялки там или сундучки какие. Понятно, что икону он будет писать так же, как прежде, в той же манере, теми же цветами – стиль останется.

Мастера-ремесленники и иконописцы-самоучки работают напрямую с заказчиком, поэтому пожелания последнего всегда остаются решающими. Это заметно по рассмотрению народной иконы. Попросят мастера написать, скажем, в деисусной композиции (Иисус Христос в окружении Богородицы и Иоанна Крестителя, молящих за человечество Нового и Ветхого Завета соответственно, в том числе на Страшном Суде) Николая Чудотворца, так он напишет. Кстати, подобные композиции были так распространены, что за границей сложилась фраза «Никола – русский бог». Разумеется, прославленный святой, да еще и соединившийся в славянской земле с образом Велеса, был популярен на Руси, ему молились почти в любой ситуации. Но все же, согласись, ставить его на место самого Христа не совсем правильно, уж тем более в композиции, отсылающей нас к Судному дню.

Наблюдается сходство и с технической стороны. Для народного промысла использовались простые подручные предметы и материалы. Такой подход характерен и для народной иконы. Об использовании низкокачественных материалов в работе свидетельствует упрощенность изображения, неточность деталей и плохая сохранность произведения. Это касается досок для икон и шпонок, левкаса (грунта) красок и лаков. Чем ниже их качество (и, конечно, умение иконописца), тем хуже ложатся и держатся красочные слои, сильнее со временем деформируются доски, даже небольших размеров, и так далее.

Еще много общего народная икона имеет с таким видом графики, как лубок. Лубочная картинка – это изображение с подписью, которое выполнялось сперва в технике ксилографии, а после оттиска рисунок раскрашивался в яркие цвета. Как и народную икону, это искусство государство также пыталось взять под контроль. В Россию лубок попал еще в XVII веке из Франции и Голландии, постепенно появились и свои умельцы. С течением времени такие картинки попадали под все больший контроль цензуры за большое количество не самых пристойных сцен, а на первых лубках изображались святые и их жизнеописания. Церковные служители были недовольны низким качеством православных образов, создаваемых простым населением. Но художники-умельцы находили способы творить, а неискушенный народ деревень и далеких поселений с удовольствием украшал свое жилье низкокачественными иллюстрациями и иконами.

Несмотря на то что сюжеты любого лубка были понятны даже неграмотному, картинки сопровождались разъяснительным текстом. Такие подписи можно сопоставить с подписями на некоторых иконах. Они проследуют одну цель: сообщить о том, кто изображен и исключить неправильную интерпретацию изображения. Так, например, на иконе, иллюстрирующей притчу о пшенице и плевелах (рисунки 9), приведена цитата из евангельского текста.

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

Смотрящий сразу понимает, о какой притче идет речь и о чем предлагает задуматься автор произведения.

Однако от подлинной народной культуры осталось не так много. Исследователи и сейчас изучают ее особенности в зависимости, например, от региона. Но не многие включают в список предметов народного промысла народную икону, зачастую просто обходя ее стороной. Хотя именно подобный метод исследования помог бы рассмотреть наиболее широкий спектр изделий, сделанный простыми людьми для себя или для людей своего круга. Безусловно, жаль, что крестьянам приходилось искать обходные пути для того, чтобы стать обладателями святого образа, но их

творчество стало неотъемлемой частью русской культуры, пора бы это признать.

Народная икона открывает и будет открывать нам возможность посмотреть на быт наших предков и позволит поближе познакомиться с особым видением и подходом к иконографии и трактовке библейских сюжетов.

Рисунок 9

Глава 4

Я вижу недоумение в твоих глазах. Мол, обещала одно, а говорим мы сплошь о какой-то старине. Сейчас любой желающий может купить обычную икону любых размеров или даже заказать в интернете, поэтому нет необходимости прибегать к подобным мерам, а значит и народная икона – тоже обычный пережиток прошлого. И вновь я позволю себе не согласиться с тобой...

Как, я думаю, ты уже догадываешься, после революции 1917 года количество создаваемых народных икон резко сократилось. Но традиция не угасла совсем, мы знаем иконы, которые создавались уже в XX веке. Например, вот это «Распятие» (исунок 10).

Оно достаточно резко выделяется из массы более ранних икон, но тем не менее однозначно является примером народной иконы. Но сейчас я хочу поговорить о другом. Помнишь, в самом начале, я пообещала, что

Рисунок 10

то, о чем я расскажу, – настоящее связующее звено между современными людьми и многовековыми традициями?

Когда за изучение народной иконы взялись более или менее серьезно, это пробудило в людях неподдельный интерес к наивному искусству. Многие занимаются этим на любительском уровне, то есть так, как это было всегда. Человек, чувствующий в себе силы и желание писать моленные образы, дает выход своим умениям и находит поддержку в глазах окружающих. На такое творчество есть спрос. Но не только любители занимаются созданием народных икон. В наше время, когда есть возможность получить соответствующее образование и стать профессиональным иконописцем, некоторые мастера сознательно выбирают такой подход к написанию иконы. Возникают новые разделения на более академические или наивные стили, расширяется спектр возможностей и взглядов на то, как должна выглядеть православная икона.

Каждый художник получает с помощью художественных средств возможность выразить в произведении свой личный взгляд на мир, не идя при этом вразрез с требованиями канона. Я хочу познакомить тебя с одним таким удивительным иконописцем, Андреем Бодько, чтобы показать, как видит народную икону человек, сделавший это творчество делом своей жизни. Несмотря на то что Андрей получил академическое образование иконописца в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, в ряде своих работ он обращается к стилистке «наивных» мастеров. Вот как говорит сам Андрей Бодько: «В некоторых своих работах я использую открытые приемы живописи. Я не стремлюсь спрятать движение кисти за многочисленными лессировками, которые делают изображение отстроеным от реального мира. Для меня важно передать душевность образа, его откровенность и искренность».

Также Андрей отметил различия между подходами к изображению: «В высоком стиле иконописи творцы стремятся передать наивысшую степень одухотворенности, делая образ сложным для восприятия не подготовленному человеку, а народное искусство цепляет своей открытостью и искренностью образов. Упрощенный подход к изображению способствует моментальному общению зрителя с образом без преодоления преград».

Все вышеперечисленные достоинства действительно свойственны народной иконе и замечательно, что современные художники-иконописцы умеют ценить присущие ей черты. «Искусство “наивных” художников прекрасно, так же прекрасно, как и любой другой подход к изображению святых образов. Замечательно, что у людей есть возможность общаться с Богом через тот образ, который сильнее откликается ему. Я пишу в той манере, которая близка мне и рад, что есть люди, которым отзывается этот подход», – говорит Андрей.

Глава 5

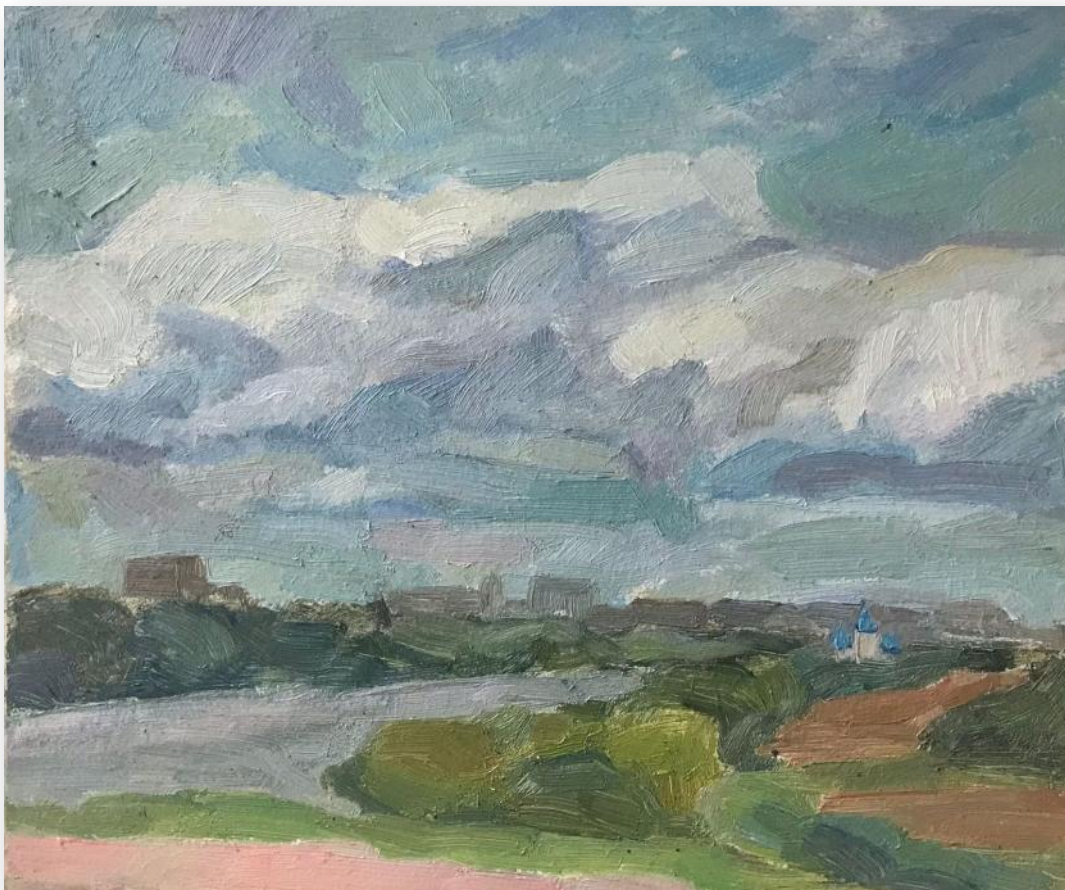
Что ж, друг, наше путешествие подходит к концу. Возвращаемся в нашу небольшую комнату с тем же видом за окном. Мы прошли путь от Средних веков до современности: узнали историю возникновения и развития народной иконы, рассмотрели некоторые ее виды, в том числе в контексте промысла, и даже пообщались с настоящим народным иконописцем. Разумеется, многое еще можно было бы обсудить, подробнее разобрать те или иные произведения искусства.

Но главной моей задачей сегодня было пробудить в тебе интерес к этому самобытному, оригинальному, по-своему очаровательному виду искусства. Я очень надеюсь, что тебе было интересно исследовать его мир вместе со мной и что теперь-то мы оба понимаем его ценность.

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

Крестьянская культура свидетельствует о духовных запросах простого населения русских деревень. Их стремление иметь моленный образ святого показывает высокий духовный уровень и вызывает уважение. Народные иконы создавались не самыми высококвалифицированными мастерами, но зато с любовью и трепетом для тех, кто с такими же чувствами будет прикасаться к ним на протяжении многих лет. При этом они отражали беспрестанное стремление к прекрасному, что не могло не сочетаться с представлением о Боге и святости – ведь святое должно быть прекрасно. Народные иконы сохранили для нас все те разнообразные духовные порывы, которые были свойственны простым людям. Со всей своей непосредственностью они передают трепетность и одухотворенность моленных образов, которые легко может воспринять каждый.

Сейчас растет интерес людей не только к тому искусству, что было доступно высшим слоям общества, но и к тому, что составляло жизнь простого крестьянского народа, с его достоинствами и недостатками. Народа, так долго не воспринимаемого всерьез, но при этом сумевшего сохранить богатое и уникальное наследие. Народа, верящего в Бога, в свое будущее, свое назначение. Народная икона – настоящий символ народной веры.

Анна Седова. Пленэр. Масло. 2023

ПРОЗА

Евгений Константинов
(Москва)

КАК ПРАВИЛЬНО ЕСТЬ ЧЕРНУЮ ИКРУ

Нет, эта история не про мажоров и не про богатеньких буратин, как можно было бы подумать из названия рассказа. История о простых рыбаках – спиннингистах, которых пригласили поучаствовать в соревнованиях под названием «Кубок чемпионов». Хотя из этого названия следует, что рыбаки были не совсем простыми, а все-таки имевшими какие-то регалии. И одним из таковых оказался Серега Костиков, которого друзья называли попросту Шуба.

Помимо Шубы приглашенных на соревнования спортсменов было еще пятеро: Макс (чемпион мира еще и по подледной ловле на мормышку), Гера (представитель Краснодара, косая сажень в плечах), Александр (по прозвищу Барыга, при этом спиннингист – от бога), Аркадий (знатный ихтиолог) и Андрей (по прозвищу Рыжий, как и все – знатный спиннингист).

Все было обставлено очень даже серьезно и достойно: расходы – за счет организаторов; профессиональные судьи; фото- и видеосъемка; Астраханская область, рыболовная (можно сказать – элитарная) база «Лотос». Каждому спортсмену выделялась лодка с мотором и егерем. Два тура – во второй выходят трое, так сказать, финалистов.

Егерем Шубе достался возрастной мужик – нормальный чел из местных, знающий свое дело. Сначала рыбалка как-то не заладилась. Мелкая щучка, пара окуньков... Но затем егерь заякорил лодку напротив протоки, Шуба прочувствовал бровку и принялся тягать одного за другим судачков. Не очень крупных, в пределах килограмма, зато в большом количестве. Но вскоре у егеря вышли из строя весы, и было принято решение следующую пойманную рыбу не отпускать, а забрать с собой, чтобы взвесить уже на базе. Потом же егерь мог забрать снулую рыбу себе – это все-таки судак, деликатес.

У Шубы, как всегда, в рюкзаке с собой было... Нет, не водка, а бутылочки три пива. Он, конечно же, с егерем поделился, и тот с удовольствием усугубил. Между тем судаки поклевывали, случалось, и мимо крючка, были и откусы хвостов съедобной резины, и сходы у самой лодки. А в один прекрасный момент попало что-то достойное, но опять-таки – сход, потом еще нечто подобное, а по поверхности воды пузыри пошли. У Сереги Костикова закралось подозрение, что он тащит сома, а раньше у него таких трофеев в уловах не было. Это и впрямь оказался сом – не крупный, килограмма на три-четыре. Зато вот он, под самым бортом. Но тут у спиннингиста сетка подсачека зацепилась за какой-то гвоздик на борту лодки, и пока он возился с этим неподатливым подсачеком, сомик с крючка соскочил. В мгновение ока Шуба отбросил спиннинг – и за ускользящим трофеем, через борт, головой в воду...

Не ухватил, конечно же, скользкую рыбину, хорошо хоть полностью из лодки не выпал. Егерь успел его за штаны удержать. Что делать? Поржали и возобновили процесс.

Неплохо тогда отловился Серега, привез на финиш где-то килограммов двадцать, а то и поболее. Но уловы соперников оказались повесомее – у кого-то тридцатник, у кого-то сороковник. Астрахань – это вам не Подмосковьё. В итоге не попал Шуба в тройку финалистов. Бывает...

По условиям соревнований на следующий день к каждому финалисту в лодку помимо егеря добавлялся выбывший спортсмен, теперь уже в качестве судьи, для взвешивания рыбы. Очень грамотный подход. Шубе выпал жребий контролировать Александра по прозвищу Барыга. Тот на прозвище не обижался, он в своей Саратовской области ловил спортивным способом хищную рыбу в неплохом количестве и продавал, поэтому и Барыга. А по большому счету – очень умелый и знающий рыболов, к тому же еще и спортсмен.

Шубе было приятно наблюдать, как тот обращается со спиннингом, как профессионально делает забросы, реагирует на поклевки, при этом еще и объясняет, что там творится в подводном царстве... Просто залюбуешься и заслушаешься. Кино можно снимать!

А вот с егерем случилась закавыка. Наблюдательный Александр ему говорит, мол, вон там чайка летает, а под ней я видел всплески, это, скорее всего, жерех малька гоняет. Мол, давай туда не на моторе подплывем, а на веслах, чтобы не шуметь, потом потихонечку сплавимся и я блесну доброшу... Егерь глушит мотор, мы потихоньку сплавляемся, но, когда Александр шепотом командует, мол, все, я отсюда доброшу, этот, мягко выражаясь, профессиональный егерь со всей дури выбрасывает в воду якорь. Ну и какого там можно поймать осторожного жереха?!

Вы бы видели глаза оглянувшегося на меня Александра, когда ситуация повторилась во второй, а затем и в третий раз. Опять-таки, можно кинокомедию снимать. Мы вдвоем говорим егерю, мол, не надо шуметь, якорь лучше спокойно и медленно опустить на веревочке, а тот либо не понимает, либо включает дурку – и в очередной раз якорь с размаху. И у знатного спиннингиста Александра – в очередной раз глаза по полтиннику...

Хорошо хоть у Шубы с собой пиво было.

В итоге с ловлей жереха – облом. Перестроились на судака. Ни шатко ни валко – поклевывал клыкастый. Но уже стало понятно, что время упущено и шедевральных результатов не ожидается.

Шуба позевывает, а Александр ему и говорит, мол, чего скучаешь, возьми мой второй спиннинг, побросай. С одной стороны – хоть это и не по правилам, но почему бы и нет. Не будет же Шуба пойманную рыбу спортсмену отдавать. Да тот и не возьмет – дело спортивной чести.

Все-таки Шубе порой везло. При первом забросе, где-то там в глубине вод на его приманке образовалась солидная тяжесть. Он не торопился, спокойно вываживал сопротивляющуюся рыбу против течения. Довольно-таки долго. А под конец не сплеховал егерь и грамотно подбагрил сома – первого в опыте Шубы. При взвешивании трофей потянул на семь с лишним килограммов...

По итогам соревнований победил Гера. Хороший мужик, к сожалению, рано ушедший из жизни. Светлая ему память.

После награждения победителей был шикарный банкет. Наваристая уха, жареная и копченая рыба, разносолы, икра. Тут Александр, на спиннинг которого Шуба поймал первого своего сома, и говорит:

– Серега, ты неправильно икру ешь.

– А как ее надо есть правильно? – заинтересовался Шуба.

– Показываю на примере! Смотри и повторяй. Надо сделать что-то типа бутерброда.

– Утром мажу бутерброд, сразу мысль – а как народ? – вспомнил Серега гениальное произведение Леонида Филатова.

– Вот именно, – продолжил Александр по прозвищу Барыга. – Так вот. Берешь кусок осетрины – как будто это кусок белого хлеба, и на него вместо сливочного масла намазываешь слой осетриной икры, а поверх нее – уже слой икры стерляжьей. Ну и – под водочку...

Так в своей жизни Серега Костиков, кажется, никогда не объедался. Хотя, если припомнить... Но это уже другая история...

О ТОМ, КАК ШУБА В АЗОВСКОМ МОРЕ ИСКУПАЛСЯ

У Сереги Костикова, которому друзья давно дали прозвище Шуба, было множество разных увлечений, в числе прочего он был фанатом рыболовного спорта, особенно по ловле на спиннинг. А еще он очень любил путешествовать – не только по заграницам, но и по нашей родненькой России. И когда предоставилась возможность принять участие в соревнованиях под названием «Кубанская весна» на приазовских лиманах он, конечно же, с радостью согласился.

Соревнования эти знаменовались долгожданным открытием сезона спиннинговой ловли и отличались от других не только хорошим клевом хищника и сборищем друзей-рыбаков из разных регионов, но еще и душевностью принимающей стороны. Один только стол после закрытия соревнований чего стоил! Уха, жареная рыба, разносолы, не говоря уже об алкоголических напитках, начиная со вкуснейшего вина и... Но самое примечательное: вусмерть пьяным-то никто из-за стола не уходил. Так, слегка покачивались, но ни в коем случае не падали...

И в тот памятный раз, когда Серега Костиков со своей командой – на удивление – не занял призового места, все прошло культурненько. Медалек, кубков, грамот и всяческих призов у него дома уже и без того набралось предостаточно, пускай и другие порадуются. А вот в Азовском море, на берегу которого располагалась рыболовная база «Темрючанка», наш Шуба до сих пор ни разу не купался. И это дело он категорически решил исправить.

Уже стемнело. Серега Костиков предложил друзьям по команде, а также друзьям-соперникам составить ему компанию. Набралось человек восемь, но искупаться решил один Шуба. В тех местах Азовское море не очень располагает к омовениям – у берега

мелко, пока дойдешь до хоть какой-то глубины, да и дно не песчаное... Одним словом – гемор. Но Шуба уперся, куда-то все же дошел и в одиночестве принял-таки морскую ванну.

А когда выходил из моря, под шутки и прибаутки поджидающих на берегу друзей, увидел, что к ним приближается другая компания – с фонариками в руках. И между приезжими рыбаками и местной компанией завязался разговор, причем на повышенных тонах.

– Зачем? – спросил Шуба у друзей, когда вышел на берег. Местные уже куда-то подевались. – Зачем вы и их, тем более их маму, матерно посылали?! Вы разве не понимаете, что они здесь живут!

– А чего они фонариками нам в лица светят? – ответил один из друзей, подбирая с обочины увесистый кол.

– Дай-то бог, чтобы все обошлось, – вздохнул Шуба, одеваясь.

Компания местной молодежи встретила приезжих рыбаков при входе на базу «Темрючанка». И если у друзей Шубы был один кол на всех, то у молодых парней – по колу на каждого, и настроены они были очень даже решительно.

Шуба огляделся. Неподалеку от входа в похожий на казарму дом стоял мужик – кавказец и молча наблюдал за происходящим. Компания молодежи тоже внешне походила на кавказцев. Серега кивнул своим, чтобы не вмешивались, вышел вперед и, назвав свое имя, протянул для пожатия руку, по всей видимости, главарю.

Рукопожатие состоялось, но при этом кол из другой руки главарь не выпустил. Слово за слово. Шуба был предельно вежлив, хоть и говорил с подростком в два или даже в три раза моложе. Постарался объяснить, что ошибочка вышла, мол, лучше разойтись мирно. Главарь высказывал обиду на то, что его маму обругали по матери, а это не прощается. Остальные участники с обеих сторон, к счастью, пока молчали. И тут к переговорщикам откуда-то подбежал немолодой толстый мужик и властно приказал молодежи разойтись по домам, а рыбакам порекомендовал тоже идти спать – от греха. Что все и сделали.

Кроме Шубы.

Шуба оглянулся на мужика, наблюдающего за происходящим со стороны казармы. И тот легким кивком пригласил рыбака подойти. Шуба подошел.

– Меня зовут Серега, – сказал, протянув руку.

– А меня – Хачик, – ответил кавказец.

Рукопожатие вышло крепким, не то что с мальцом, вооруженным колом. Но рука-то у Шубы была – что надо рука, то есть закаленного спиннингиста, и новый знакомый это оценил.

– Извини, – сказал удивленный Костиков, – а почему... э-э-э...

– Вот ты по паспорту – Сергей, а русский Ваня по паспорту – Иван. Я же армянин, по паспорту – Хачатур. Для друзей – Хачик.

– Ну, тогда еще раз извини, – улыбнулся Костиков. – Можешь называть меня, как нового друга, просто Шуба.

– Шуба? – теперь удивился Хачик. – Это в каком смысле?

– Да это долгая история, – махнул рукой Серега. – Я просто хочу сказать, что вообще по жизни уважаю человека любой национальности, просто иногда имена или прозвища могут звучать, как бы, обидно... Понимаешь?

– Пойдем в дом, – положил ему руку на плечо Хачатур.

И вот тут Шуба, мягко говоря, обалдел. Внутри довольно-таки просторной казармы было, наверное, штук двадцать двухъярусных коек, и почти на всех дрыхли храпящие мужики. Шуба просто представил себе ситуацию, в которой он с друзьями начинает разборки с местной молодежью, а его новый знакомый Хачатур будит этих мужиков – разобраться с приезжими рыбаками. Да упаси господи от подобного расклада!

А Хачик меж тем сунулся в холодильник, достал бутылку водки и два крупных яблока, затем взял из тумбочки два граненых стакана. Вышли на улицу, чтобы не мешать спящим работягам. Правда, самим им мешали назойливые комары... но и фиг с ними, когда под водку течет душевный разговор между нормальными, все понимающими мужиками...

Наутро в назначенное время за рыбаками приехали машины, чтобы довезти до железнодорожного вокзала. Но просто так Шуба не уехал. Новый знакомый Хачатур его настиг и вручил гостинцы на дорогу – запотевшую бутылку водки и очень даже увесистый пакетик воблы...

Не имей сто рублей, а имей сто друзей!

ОСОБЕННЫЙ КАЙФ ШУБЫ

Заядлый рыболов Серега Костиков, которому давным-давно друзья дали прозвище Шуба, еще задолго до приобретенного прозвища стал фанатом подледной рыбалки, особенно – по первому льду. В то самое время, когда и лед-то еще непонятно какой – есть он или нет, толстый он или всего-то два-три сантиметра... Когда ты ступишь на него, а он под ногами трещит и разбегается предательскими полосами. Когда ты все-таки рискуешь пробить пешней или просверлить лунку ледобуром, и это получается... Но потом, после опускания в луночку блесны или мормышки с мотыльком, из подводного царства буквально фонтаном выплескивается вода, а ты все равно сидишь на своем ящике и, видя поклевочку, делаешь размашистую подсечку и... И на крючке у тебя окунек размером с мизинец! Кайф, несравнимый ни с чем кайф!

С годами Шуба стал предпочитать ездить на рыбалку не в одиночестве, а с друзьями, или хотя бы с одним из многочисленных друзей. В этот раз друг, блин, опоздал на электричку, которая везла народ с Белорусской до Кубинки. Сам-то Шуба сажился на Филях, а его друган должен был сесть на Беговой. Но опоздал, гад! Хотя ладно, дело-то происходило не на летней утренней зорьке, а в начале декабря, когда непонятны часы и минуты просыпания рыбы для утоления голода. В итоге Шуба встретился с другом на Филях; часок на электричке до Кубинки; там – на автобусе минут десять и... вот он – водоем, покрытый первым льдом! Морозец под минус десять.

Ну кайф же, кайф! Только вот беда: пять просверленных лунок, десять, а на двоих – уже два десятка, а поклевки не видно – ни единой. То есть нет поклевочек абсолютно!

Где рыба?

Или же, как утверждал один знатный рыболов: «Пока мы не клюнем – она не клюнет!»

Делать нечего – клюнули водочки Серега Костиков и его друган, закусили черным хлебом с салом, запили горячим чаем из термоса, согрелись – и вновь сверлить лунки. Но не клюет, хоть ты головой лед для лунки пробивай!

И вдруг где-то в небе – шум, грохот, да такой, что хоть уши затыкай. А это, как вскоре догадались Шуба с друганом, самолеты с Кубинского аэродрома взлетают. И так красиво! И с таким ревом! И вот их уже пятерка взмывает в небеса – какая уж тут рыбалка! В одной руке – удочка с блесной, в другой – рюмочка с водкой, да и фиг с ними, с почти ежедневными радостями рыбалки. Здесь, в небе – настоящий же праздник души, подаренный мастерами пилотажа на самолетиках с российским триколором на крыльях.

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

Забыли рыбаки о рыбалке, принялись прыгать по льду, размахивая руками, приветствуя российских летчиков. И те, как показалось рыбакам, им крылышками в ответ помахали! Ну шикарно же! Шикарно!

И тут, когда грохот в небесах временно утих, у Шубы на его блесну – поклевочка! Есть окуnek – граммов этак на тридцать. Следующее опускание блесны – еще один окуnek, да покрупнее. И пошел клев и у Шубы, и у его друга, причем рыбка стала попадаться в достойных и количестве, и размере. Забыли друзья-рыболовы и про водку, и про закуску... Особенный кайф!

Правда, самолетики вновь взмыли в небеса и теперь своим шумом стали на клев рыбы влиять отрицательно. Или же у окунчиков время обеда закончилось...

Софья Ипатова. Пленэр. Масло. 2023

ПРОЗА

Светлана Куликова

(МОССАЛИТ, Москва)

КУЛИЧКИ

миниатюры

КУЛИЧИК; м. –
вынутый из формы влажный песок,
сохраняющий ее очертания...
Толковый словарь Кузнецова

Это не к нам

Есть в нашем городе Аллея Героев – узкий пешеходный сквер вдоль проезжей части. Крошечный уголок живой природы среди городского камня. С лавочками и приятной летней тенью. Осенью он весь засыпан желто-красными лоскутами опавших листьев. Днем здесь неспешно прогуливаются пенсионеры, мамочки с колясками...

Вот два старичка вышли осенним воздухом подышать: один на двух ногах еле ковыляет, другой – на четырех. Седые оба – хозяин бородой побелел, его друг – мордой.

Пес – маленькая рыжая дворняга из тех, кто и до старости щенок, – то и дело вперед уходит, шуршит носом в листьях, почти сливаясь с ними цветом шерстки. Непрестанно оборачивается, проверяет, не отстал ли хозяин, поджидает его и снова чего-то вынюхивает под ногами.

За деревьями, за живой изгородью из почти голых кустов шиповника шумит дорога.

Внезапно вдалеке возникает и стремительно приближается тревожный вой сирены скорой помощи. Заслышав его, собачонок вдруг впадает в панику: трясясь всем телом, поскуливая, он прислоняется к хозяйской ноге, словно ищет защиты. Дедушка, кряхтя наклоняется, берет песика на руки со словами:

– Ну что ты, что ты! Это не к нам.

Присаживается на лавочку, все так же прижимая к себе рыжего друга и приговаривая:

– Успокойся, это не к нам, не к нам!

Желтый реанимобиль, завывая, стремительно проносится мимо.

Старик остается сидеть с песиком на коленях, гладит его по голове, тот умиротворенно закрывает карие глаза.

Спокойно и тихо на Аллее Героев. Только шелестит сухими листьями ветер да урчат моторами проезжающие машины.

Это не к нам спешит скорая помощь, не к нам.

Лидер

В этом супермаркете входная дверь не автоматическая раздвижная, как в большинстве других, а распашная качающаяся. Нередко ребяташки на этой двери виснут и ездят туда-сюда.

Однажды при выходе увидела двоих: один мелкий, шепутной, другой повыше и покрепче, задумчивый. Стоят, примеряются к двери...

Мелкий (говорит быстро, громко и убедительно):

– ...Не-не, не прилипнет! Лизни!

Крепыш (колеблется):

– Ты говорил, к качелям не прилипнет, а он прилип.

Мелкий (вертится, руками машет):

– Там мороз был, а здесь тепло, не прилипнет! Вот потрогай, теплое железо! Да? К теплему не прилипает, только к холодному. Лизни, не бойся!

Крепыш, задумчиво оглядев дверную ручку, неуверенно наклоняется, явно намереваясь лизнуть.

Мелкий подпрыгивает рядом, восторженно приговаривая:

– Вот увидишь, ничего не будет!

Тут подлетаю я с воплем:

– Не-е-ет! Не надо!

И начинаю спич про заразу, коронавирус, больницу, но пацаны уже бегут прочь.

Первым, непрестанно оборачиваясь и хохоча, несется Мелкий. За ним, отставая, тяжело трусит Крепыш.

Я смотрю им вслед и понимаю, что стала свидетелем формирования Лидера и Единицы Народа. Первый так и будет по жизни врать и заманивать других безопасными перспективами невесть куда, а второй – «сила есть, ума не надо» – верить ему и подчиняться.

Развод

Звонок на домашний телефон.

Мужской голос тихий, сдавленный:

– Привет. Мне трудно говорить, губа разбита, я в больнице, только что привезли...

Я (уже понимая, что меня разводят):

– Привет. Кто это?

Голос (со слезой):

– Не узнаешь?

Я (весело):

– Нет, солнышко, не узнаю...

Долгая пауза. Жду, что дальше будет.

Вдруг голос становится нормальным пацанским, и так грустно-грустно:

– Понятно. За «солнышко» спасибо.

В один миг в моем воображении проносится вся жизнь владельца голоса, его прошлое, настоящее и будущее.

Конечно, неблагополучные родители. Тяжкое взросление, проблемное окружение, преступление, колония или тюрьма и далее без пересадки...

За «колючкой» нелегальный кол-центр по «разведению» доверчивых граждан, где, не исключено, план задают...

«Солнышком» его ни разу в жизни никто нигде никогда не называл. Кто не догадается про развод, обругают за «разбитую морду», кто догадается – за наглость и обман...

И так меня пробило его «спасибо», что, если бы он не положил трубку, я... Что? Нет, ничего. Дружить, а тем более опекать сидельцев – это не мое. Я таких артистов много повидала, когда в СМИ работала. Жалость для них – женская слабость, которую они используют в своих интересах, порой очень жестоко.

И все же...

Господи, спаси, сохрани и помилуй душу заблудшего раба Твоего.

Умник и Дурак

Возле станции – открытый рынок-ярмарка. Очередь за камчатской красной икрой.

Подходят два мужика, встают за мной, продолжают беседу:

– ...Надо ходить!

– Куда?

– Все равно, просто двигаться. Не сидеть. Чтобы в ногах не было застоя.

– Да мне жена засидеться не дает! Гоняет то в магазин, то в аптеку, то к дочке едем с ней, с внучкой посидеть...

– Вот! Как ты был дураком, так и остался! Они тебе на шею залезли и ножки свесили! А ты горбатишься за троих. Не ушел ведь с работы?

– Нет.

– Я ушел. Все равно бы выкинули. Не стал ждать. Сам ушел. Отдыхаю. Зубы сделал. Ты ведь тоже хотел. Сделал?

– Нет. На двоих не хватило. Мы решили вначале жене сделать, потом уже мне накопить...

– Ну, ты ее совсем разбаловал! О себе надо думать, а ты... Точно, дураком остался!

Отхожу с покупками. Стараюсь ненавязчиво рассмотреть Умника и его товарища Дурака.

Оба мужика в преклонных годах. Умник высок ростом, дороден, но весь какой-то задрипанный: одежда старая, мягая, из-под шапки мочалистые патлы торчат, тяжело опирается на палку – видно, что ноги больные. Взгляд блекло-серых глаз усталый и... как будто привычно обиженный на все. Дурак на голову ниже, худощавый, тоже немолод, но одет стильно: молодежная куртка, высокие ботинки, длинный шарф, вязаная шапка в тон шарфа. А главное, смотрит с веселой усмешкой, ясно, что на грубость приятеля ему глубоко наплевать.

Может, Умник и не одинок вовсе, просто своей жене он и в таком запущенном виде мил. Может, Дурака не любящая женская рука обихаживает, а он сам по себе аккуратист... Все может быть, только отчего-то вдруг стало очень жаль старого толстого Умника с палочкой...

Вторая щетка

Есть у меня давняя знакомая по имени Анна. Вдова. Муж умер в начале девяностых, оставив ее с сынишкой возраста что-то около десяти годков.

Живем мы с Анной на одной улице. Когда-то работали в одной организации. Потом нашу контору упразднили, и мы стали изредка встречаться то в магазине, то на пути к нему.

Встретимся, обнимемся, похажеем, вспомним общих знакомых: кто, где, с кем, когда... – и разойдемся.

Я знала, что живет Аня с сыном, который почему-то – жаловалась она – никак не женится. А хотелось бы передать единственного отпрыска в добрые женские руки. Тогда, считала Аня, и она получит право устроить свою личную жизнь, начнет себе жениха подыскивать.

В очередной раз встретив Анну на углу, я удивилась ее виду. Жизнерадостная толстушка, всегда ярко одетая и накрашенная, с широкой улыбкой, она выглядела постаревшей, понурой, глаза над маской заплаканные.

– Анют, привет! Ты чего такая грустная?

– Да нет, ничего, все хорошо, – отвечает, а сама в слезы.

– Боже мой, что-то с сыном? Корона догнала?

– Нет-нет, жив, здоров, женился в октябре.

– Здрóрово! Ты же мечтала об этом. Теперь втроем живете?

– Одна я. Они уехали. В Красноярск. Она оттуда. Идем ко мне, чаю попьем, поболтаем.

Купили торт, пошли к Ане. По дороге она все извинялась, что у нее не прибрано. Я уверяла, что мне пофиг.

Типовая «двушка» на последнем, девятом этаже. У квартиры такой же унылый облик, как у хозяйки. Вещи разбросаны, на диване гора неглаженого белья, кухонный стол заставлен немытой посудой.

– Прости, никакого настроения нет прибираться. Даже к Новому году ничего делать не хотелось. Зачем? Для кого? Я теперь всегда одна, – запричитала Аня.

И снова начала плакать.

– Слушай, не маленького мальчика ведь отдала, ему уже сколько стукнуло?

– Сорок.

– Вот. Давно пора было женить. Ты же об этом мечтала, чтобы после и своей личной жизнью заняться! Давай, занимайся, чего раскисла?

– Не могу. Не хочу. Ничего не хочу. Иди, мой руки.

В ванной я увидела тот же бардак, что и в комнате, и на кухне, но... На веревке под потолком сохли мужские вещи, на полочке под зеркалом стояли в стакане две зубные щетки.

Как заправский детектив, приперла Аню к стенке уликами.

– Ань, ну чего ты притворяешься! Видно же, что не одна живешь.

Она сидела на стуле у окна, опустив руки, ответила отвернувшись:

– Это я специально развесила то, что сын не взял. И щетку вторую купила. Как будто он и не уехал никуда, как будто мы как прежде вместе...

Я не нашлась, что ей ответить.

Ветераны умирают стоя

Есть у нас в микрорайоне Саввино частная клиника. Не очень дорогая, но комфортная, с хорошими специалистами. Врачи и медсестры наивысшей квалификации. Мне в вену, которую совсем не видно и даже на ощупь найти трудно, попадают на раз. А еще у нее договоры со страховыми компаниями и многие услуги оказываются по ОМС. Поэтому ею и пенсионеры пользуются. Вторую неделю хожу туда на процедуры как на работу – каждый день с утра.

Вчера, подходя к корпусу, у крыльца увидела скорую помощь. Из машины выгружались врачи в синей униформе. В регистратуру мы вошли вместе.

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

– Кто скорую вызывал? – строго спросила доктор скорой.

– Это я, это сюда, – подбежала к ней молоденькая девчонка в белом халате с бумагами в руках.

– Кому?

– Вот, – девчонка взволнованно показала на диванчик, где сидел пожилой мужчина. – Инфаркт.

С диванчика поднялся высокий седой старик, прямой и худой, как лесная сухостоина. Смущенно улыбаясь, он пожал плечами и, глядя на медиков сверху вниз, пробасил:

– Да ладно вам, Лидочка, не пугайте людей.

– Инфаркт! Вот, смотрите, кардиограмма...

Врач скорой посмотрела в бумаги.

– Носилки надо... Куда везти, не знаю... У вас есть какие-то льготы, звания? Вы не офицер в отставке? Не ветеран войны?

– Я ветеран труда, – гордо сообщил дед и выпрямился еще больше.

Вторая докторица пошла к машине. Видимо, за носилками.

Присутствующие в регистратуре посетители клиники с удивлением смотрели на улыбающегося деда: человек с инфарктом не то что улыбаться, он и стоять-то не должен.

Но несгибаемый «сухостой» не собирался сдаваться ни смерти, ни врачам. Посмотрел с сомнением на женщин скорой помощи, на испуганную субтильную Лидочку и категорически отказался ложиться на носилки.

– Вы не смотрите, что я костлявый, я тяжелый, не поднимете.

Из очереди к окошку регистратуры вышли двое молодых мужчин – отцы детишек-пациентов, предложили помощь. Дед стоял на своем:

– Сам дойду. Тут всего с десяток шагов.

Общая суета привлекла внимание гардеробщицы. Она покинула свой пост, спросила у деда номерок, посоветовала:

– Идите потихоньку, я принесу ваши вещи в машину.

Поддерживаемый с двух сторон мужчинами, в сопровождении врачей с пустыми носилками и Лидочки с кардиограммой, бледный ветеран труда самостоятельно вышел за дверь. Следом поспешила гардеробщица с его дубленкой.

– Эх, – донесся из холла женский голос. – Вот настоящий мужик! Орел! Хорошо бы выздоровел...

Ракурс

В электричке люблю подслушивать, о чем молодежь беседует. Можно много интересного узнать.

Обычно девчонки трещат сороками, а парни снисходительно слушают.

Тут все наоборот: мальчишка лет 18-19 говорит, говорит, говорит... По внешним признакам – казах, хотя русский язык у него безукоризненный.

Парнишка рассказывает своей визави – хрупкой светловолосой девушке – что-то о правилах приема в мединститут, о своих неудачных попытках поступить по квоте и вынужденной учебе в медицинском колледже. Колледж мальчику не нравится, потому что там запрещено ходить в национальной одежде...

Обычно мужчина воплощает разум, женщина – эмоцию. В этой паре наоборот: девочка слушает молча, лишь изредка вставляет несколько фраз тихим голосом. На медовый взгляд и горячую речь парня реагирует вяло, больше смотрит в окно. В отражении вижу ее полуулыбку.

– Алию отчислили, знаешь?

– Знаю, – кивает блондинка. – Ей несколько раз говорили, что нельзя приходить на практические занятия в длинной юбке и платке. Она не слушалась.

– Ага, ее и завуч, и психолог вызывали. Ей хоть бы что! Говорит, у нас так принято, говорит, иначе отец из дома выгонит! И выгонит, я точно знаю!

– У нас была практика по хирургии, Алия пришла в длинной юбке и платке, ее не допустили. Потом по гинекологии, потом общая практика... Раз нет зачетов по практикам, отчисляют, такие правила.

– Ее отец ходил разбираться, сказал незаконно за веру гонять. Ребята говорили, директор с ним два часа терки терла. Бесполезно, пообещал собрать своих и весь колледж расстрелять...

– Посадят.

Электричка дернулась и остановилась.

«Станция Железнодорожная, конечная», – возвестил женский механический голос.

Пассажиры встали.

С досадой ощущая, что история межнационального конфликта не завершена, догоняю ребят.

Обращаюсь к разуму:

– Девушка, простите, случайно услышала ваш разговор... Неужели в колледже запрещено носить мусульманскую одежду? Почему? На основании какого закона?

– У нас нельзя приходить на практические занятия в своей одежде, потому что микробы... Когда юбка длинная, она из-под халата торчит, пыль собирает, грязь... Под халат можно надеть только брюки форменные белые или зеленые, стерильные... И шапочка, знаете, медицинская, она не закрывает платок. В общем, надо чтобы не торчало ничего такого... Ну, что может оказаться заразное...

Вот так, все зависит от ракурса взгляда. С одной стороны – защитники пациентов, с другой – национальной культуры. Никто никому не враг, а в итоге война.

Другой Шаляпин

Снова электричка.

У окна друг против друга две интеллигентные женщины. Одна помоложе, лет 20–25, другая постарше – ближе к 70. Болтают оживленно, как подружки. Между собой очень похожи. Сестры?.. Нет, по возрасту скорее мать и дочь... Хотя... Ага! Бабушка и внучка!

– ...Хорошо, что ты приехала! Как тебе удалось дедушку уговорить?

– С трудом. Он как та собака на сене – сам с места сдвинуться не хочет и меня никуда не пускает.

– Чем он там занимается?

– Чем попало! Читает, Дзэьку дрессирует, петь полюбил.

– Да ты что? Получается?

– Что-то вроде получается. Включит свою караоке, да как загудит, загудит, что твой Федор Шаляпин.

– Прохор.

– Что?

- Шаляпина Прохором зовут.
 - Ты меня убиваешь! Не стыдно не знать как великого Шаляпина звали?!
 - Почему звали? Он разве умер?!
 - Давным-давно! До войны еще!
 - Подожди, ты о ком?
 - О великом русском певце Федоре Шаляпине? А ты о ком?
 - О современном Прохоре тоже Шаляпине.
 - Певце?
 - Ну да.
 - Никогда о таком не слышала.
 - Странно. Его по всем каналам показывают. То женится, то разводится...
 - Подожди, а какие партии он поет?
 - Эстрадные песни вроде. Давно не слышала. Его вообще-то Андрей зовут. То ли Захаров, то ли Захарский. Не помню. Прохор Шаляпин – это псевдоним.
 - Примазался, подлец! Позорит великое имя.
 - Да ладно тебе! Пустяки.
 - Нет, не пустяки! Имя Федора Шаляпина – национальное достояние, его надо беречь. Надо издать закон, запрещающий всяким бездарям брать в псевдонимы фамилии знаменитостей прошлого!..
- Шокированная бабушка явно утратила благодушное настроение.
Внучка смотрит снисходительно и меняет тему разговора.

Мы – кто?

- В овощном ларьке отоваривается дама. Она очень немолода, но ярко покрашена, стильно одета – в блестящую черную шубку с широкими рукавами и такого же меха шляпу.
- Дама неторопливо выбирает товар, тщательно складывает в пакеты. Очередь за ней растет, народ топчется на морозе, но не ропщет.
- Наконец дама отходит. Продавщица начинает обслуживать следующего покупателя и вдруг замечает, что дама забыла на прилавке банку с горошком.
- Высунувшись из окошка чуть не по пояс, продавщица кричит:
- Девушка! Вы забыли!..
- Дама не реагирует, медленно удаляясь.
- Женщина! Эй! Стойте!..
- Никакого эффекта.
- Продавщица обращается к покупателям:
- Кто-нибудь, догоните эту... как ее... в шляпе... скажите, она горошек забыла!
- Парень из очереди во всю свою молодую глотку ка-а-ак гаркнет:
- Бабуля! Горошек забыла!
- Дама остановилась, вернулась, забрала свою банку.
- Тут надо какой-то итог написать, но... Я не знаю какой.
- Господ свергли в 1917-м, товарищей свергли в 1991-м...
И кто мы теперь?

Рыбка из пепла Тейде

Хвала вам, маленькие магнитики – разноцветные, часто нелепые творения неизвестных мастеров, густо облепившие наш обширный холодильник! Я покупала вас с чувством неловкости, но как было удержаться, если вы – частички пусть только раз увиденных, но ставших любимыми мест?

Я дарила вас друзьям и, стесняясь мещанской ординарности подарков, старательно набивала вам цену: «Эта рыбка не простая, она сделана из пепла вулкана Тейде!» (Помнится, так мне понравилась, что я многих этими рыбками осчастливила.) Или: «Ничего, что кривенькая керамика, на ней изображение монастыря, где жили Шопен и Жорж Санд»...

Поругивая себя за безвкусицу, но не в силах расстаться с теплыми воспоминаниями, я как попало шлепала вас на единственную в доме поверхность, притягивающую магнит. И вот теперь на ней, вопреки законам Времени и Пространства, соседствуют: Италия 2008-го года и Тенерифе 2005-го; Беларусь-2018 и Турция-2007; Барселона и Ялта; Швейцария в виде своей собственной карты и Армения в виде фото из музея Сергея Параджанова – стеклянный коллаж Мастера произвел на меня неизгладимое впечатление!.. Вот Пизанская башня клонится в сторону дома Ивана Бунина в Ельце, вот птицы с Журавлиной родины, что близ Талдома, летят к хорватскому Умагу... Уральская Ленева прислонилась к Голливуду, а белорусский журавлик раскинул крылья над гордым Араратом...

Люблю и сама делиться впечатлениями и слушать рассказы друзей, разглядывая их «экспо-туры» на всяких там «бошах», «индезитах», а то и на «саратове» или – совсем недавно – на старенькой дребезжащей «бирюсе».

Как хорошо, что, невзирая на бурное развитие новых технологий, холодильники остаются в прямом смысле слова притягательными для самых распространенных в мире памятных сувениров!

Штора

Жара без ветра – просто погода, а с ветром как будто угроза:

– У! Гроза идет!

Третий день по улицам ошалело носится душный сухой воздух, а грозы все нет.

Во всех домах окна настезь. Мои тоже. Обманщик-ветер вольно гуляет по квартире, дверьми хлопает, шуршит бумагами на столе, занавески трясет внутри комнат – над столом, над диваном – коту забава... А в доме напротив, на пятом этаже, белая штора наружу вылетела и трепещет на ветру.

Легкий светлый лоскут в темном проеме чужого окна до вечера трепыхался. И ночью. И на другой день тоже.

Проснулась, смотрю – машет и машет.

Еще день. Еще ночь. Жара, ветер и «белый флаг».

Тревожно, словно кто-то отчаянно просит о перемирии... Или сдается на милость победителя.

Утром вскакиваю, спешу к окну.

Флага нет. Створки, прежде распахнутые до отказа, плотно закрыты. Есть ли за ними белая штора, не рассмотреть – в стекле отражается палящее солнце.

Ветер все так же неистовствует, бесплодно гоняет по асфальту горячую пыль, приносит запах пожара.

Перемирие? Капитуляция?

Уж лучше бы гроза – омывающая, очищающая, освежающая.

МАТРИАРХАТ

Антиутопия

МАКС:

Мой авиакар, под завязку набитый вещами, грузно опускается на парковку.

На крыше билдинга «Брик» трудно найти свободное место: сотрудники офиса Компании, занимающего первые тридцать из ста этажей, тоже паркуются здесь. Многие живут на верхних этажах – поближе к работе. Теперь среди них и я, Макс Гослин, новый секретарь владелицы здания и президента Компании Александры Брик. Причина такого виража судьбы: не смог отказать старому другу. Пятнадцать лет живем на Острове по соседству, он мне всегда помогает...

Я приехал на Остров, следуя древним обычаям. Сам вырос в полной семье и своим детям хотел того же. Жена была не против. Новая феминная цивилизация, победившая зависимость женщин от мужчин, не справилась с зависимостью человека от болезней. Моя жена умерла, не успев стать матерью. Я продолжаю жить в семейной резервации на Острове. Один. Исследовательская работа в окружении книг, антикварной коллекции зеркал, костюмов и портретов доматриархального периода занимает дневное время. От ночной тоски спасает стакан хорошего виски...

Однажды ко мне пришел друг и сосед, Лидер движения «Мужчины за равные права» с предложением стать шпионом в Компании олигарха, владелицы известной Компании Александры Брик. Я отказался.

АЛЕКС:

С тридцатого этажа демонстрация мужчин – борцов за равные права – выглядит кучкой мелких камешков, ссыпанных с авиакаров, снующих за панорамным окном моего кабинета. Темная масса там-сям перечеркнута белыми штрихами – плакатами. Букв не вижу, но мне, да и всей Стране известно, что на тех плакатах написано: «Верните мужчинам мужское место!», «Прекратите дискриминацию мужчин!»... И далее в таком же духе...

Мужчины хотят вернуть патриархальное прошлое. Называют себя мэнистами и без конца бунтуют. Не выйдет! Природа так устроила: все человеческие зародыши изначально женского пола, мужские получаются лишь на третьем месяце беременности после превращения одной из X-хромосом в Y. То есть, по сути, мужской зародыш – это генетический инвалид. Не потому ли где правят мужчины – там войны и кризисы?

Только когда власть полностью перешла в женские руки, Страна зажила спокойно. Стабилизировалась экономика, исчезли «горячие точки», побеждена даже мультигендерность,

нивелирующая женскую сущность. Вот только рост населения все еще зависит от деторождения, поэтому мужчины пока нужны Стране. Как доноры.

К сожалению, они остаются источником неприятностей. Это из-за них в Стране до сих пор есть граждане, ностальгирующие по прошлому. Таким разрешили жить в семейной резервации на Острове. И зря. Именно с Острова распространяется зараза протеста... Причем, не только мэнисты требуют для мужчин равных прав. Появились ренегатки с девизом «Верните женщину на кухню!». Это все технический прогресс виноват, освобожденные от быта тупые дуры с жиру бесятся...

Похоже, назревает революция. Это тревожит, но не сильно – близок к завершению Проект «Человек из пробирки». Триумф генной инженерии, позволяющей обходиться без спермы. Уже готов к демонстрации первый образец. Постепенно мы избавимся от беременности и родов, травмирующих женщину. Мужчины исчезнут, и тогда можно будет заявить об окончательной и бесповоротной победе матриархата! А пока приходится идти на уступки.

Президента Страны Викторию Лис вынудили подписать указ о введении квот на престижные рабочие места для мужчин. И мне пришлось отдать одно: я «увулила» работа-секретаря, лично просмотрела с десятков резюме и выбрала некоего Макса Гослина. Мне понравилась тема его диссертации «Роль женщины в истории планеты»...

МАКС:

Давно ходят разговоры, будто две сумасшедшие подруги-феминистки – президент Компании Александра Брик и президент Страны Виктория Лис – собираются физически истребить всех мужчин. Как? Неизвестно. Но почему именно я – патологический домосед, кабинетный ученый, историк-коллекционер должен стать шпионом?

Лидер отказа не принял. Мои карты он побил козырем: на вакансию в Компании Брик Комитет послал десять заявок, из них сама Алекс выбрала мою.

– Какого хрена меня не спросили? Выпьешь со мной?

Я достал второй стакан.

– Давай. За твою благородную миссию.

– И что мне делать? Профессии секретаря не знаю, шпионить не умею... – продолжал я вяло отмахиваться, уже понимая, что соглашусь.

– Да, ситуация не простая. Но раз уж ты приглянулся ей по фотографии, так может, и живьем понравишься. Комитет снял тебе квартиру над офисом. Пригласи Брик в гости...

– Потомственную феминистку и подругу президента Страны – в гости? Иди к черту!

– Ну не приглашай. Подсматривай, подслушивай... От тебя всего-то и требуется выяснить: проект тотальной ликвидации мужского населения – это бред мэнистов или он реально существует?

Вот так мне пришлось извлечь из гаража застоявшийся авиакар и лететь на Материк.

Великая и ужасная Брик оказалась интереснее, чем на фото и видео в СМИ. Да, высокая, широкоплечая, с короткой, почти «под ноль» стрижкой. Под широкими черными бровями – яркие карие глаза в длинных ресницах... Очень жаль, что в офисах Компании запрещены зеркала. Полагаю, если бы Алекс чаще видела себя со стороны, то, возможно, не смотрела бы так строго-надменно и не ходила такой тяжелой походкой...

Арендованная Комитетом студия на сотом этаже билдинга оказалась уютной норой холостяка.

Из дома на Острове я прихватил запас виски, книги и часть коллекции, собранной во время написания научной работы, – в те годы старинные вещи способствовали пониманию женской психологии. Думаю, именно это понимание помогло мне при первой встрече с Алекс.

АЛЕКС:

Когда я вошла – Гослин встал. И оказался не хилым коротышкой, как большинство мужчин в Стране, а одного со мной роста. И светлые волнистые волосы до плеч его не портили, и... Он смотрел в глаза спокойно, доброжелательно, ничуть не смущаясь. Это удивило. Захотелось щелкнуть нахала по носу:

– Повезло тебе. Если бы не указ Виктории Лис о квотах, тебя бы здесь никогда не было. Вместо того чтобы смутиться или возмутиться, он усмехнулся:

– Понимаю...

– Ты ведь историк, исследователь доматриархального периода. А тут должность для робота, заскучаешь.

– Ну почему же? У вашей Компании интересные разработки, я о них много читал...

– ...и с детства мечтал работать у меня в приемной!

Он вдруг рассмеялся, наклонился и, словно доверяя секрет, тихо сказал:

– В детстве я мечтал стать рыбным доктором.

От его шепота в ухе стало щекотно.

– Ветеринаром?

– Нет. Ветеринар – это животные, а я хотел лечить рыб.

– Почему именно рыб?

– Когда мне исполнилось пять лет, я получил в подарок двух рыбок...

– Золотых?

– Золотых. И...

– В круглом аквариуме?

– Да. Откуда вы знаете? Они умерли и...

– Не выкай, у нас полное равноправие! Ты попытался накормить их мороженым?

– Я дал им сгущенки. Но откуда?..

– Мои подошли от мороженого, я ревела два дня. А что, есть специальные рыбные доктора?

– Понятия не имею! Хочешь, поставлю здесь, в приемной, круглый аквариум с золотыми рыбками?

– Нет, не хочу. Их некому будет лечить и даже оплакивать – я давно разучилась лить слезы...

– Хорошо. А как насчет неодушевленных рыб? Я перевез в новую квартиру часть своей коллекции зеркал, картин и костюмов. Есть потрясающее псише в резной раме по мотивам одной старинной сказки про золотую рыбку...

– Псише? Что это?

– Такое старинное гардеробное зеркало на ножках, небольшое, но...

– Ха! Зеркало! А ты знаешь, что закон...

– Только для домашнего пользования! Хочешь взглянуть? Я живу тут, под крышей. Такое ощущение, что авиакары садятся мне на голову...

– Не нравится?

– Немного шумно бывает, но виски помогает отключаться.

– Это да! Я тоже им пользуюсь, когда все вокруг достает.

– Отлично! У меня Macallan пятнадцатилетней выдержки...

За пустой болтовней не замечаю, как в приемную входит директор одного из департаментов и, распахнув рот, смотрит на редчайшее зрелище: президент Компании дружески беседует – подумать только! – с женщиной.

Больше я не позволяю себе так расслабляться. Макс чужой в Компании, где много секретов. Один из них Проект «Человек из пробирки». Конечно, система безопасности у меня самая современная, в офисе невозможно поставить незаметно шпионскую аппаратуру, но все же...

Из приемной слышатся голоса: собираются участницы совещания.

Наверняка среди них она... Образец. От волнения трепещет сердце – давненько не испытывала такого ощущения.

Выхожу в приемную. Женщины открыто, с недоумением разглядывают Макса. А тот и не думает смущаться, ухмыляется во весь рот. Смотреть противно...

Пора начинать.

– Коллеги, прошу в кабинет. Макс, ты свободен до завтра.

МАКС:

Явно затевается какое-то грандиозное обсуждение. «Подслушивай, подсматривай...» – моя задача. Один вариант ее решения у меня есть. Вот только для его воплощения надо быть циркачом, а не доктором истории...

В кабинете Алекс имеется смежная комната отдыха. Оттуда можно слышать и даже видеть все, происходящее на совещании – вряд ли кто-то обратит внимание на чуть приоткрытую дверь, сливающуюся со стеной. Снаружи от окна приемной до окна той комнаты всего метра два. Преодолеть их можно по узкому карнизу... Затворы на обоих окнах я давно снял, Алекс этого не заметила. Она в приемной не задерживается, а в комнату отдыха вообще никогда не заходит – у нее своя квартира этажом выше. Однако... нужно быть полным идиотом, чтобы пробираться по выступу шириной в две ступни на высоте более ста метров...

И я становлюсь тем самым полным идиотом. И лезу в окно.

Вниз не смотрю.

«Я голубь. Маленький, зато с крыльями, и не могу разбиться. Я просто голубь на карнизе... Топ-топ... Интересно, почему стена такая грязная? На мне новый корпоративный костюм, темно-серый, как у всех сотрудников компании... Это хорошо. Я темно-серый голубь...»

Благополучно добравшись до комнаты отдыха, вваливаюсь туда... ну, почти бесшумно. Впрочем, в кабинете Алекс стоит такой гвалт, что даже, упав я вместе с рамой, никто бы не услышал.

Женщины спорят в полный голос, однако уловить суть их распри я не могу: в ушах гулко отдается сердцебиение...

«Тихо!» – командный баритон Алекс перекрывает ор. Воцаряется тишина.

Чуть приоткрыв дверь, я вижу все происходящее в огромном кабинете как на ярко освещенной сцене театра.

– Итак, я слушаю тебя, Лотар, – тоном императора возвещает Алекс.

Поднимается невысокая худая женщина:

– То, что проектные работы много лет проводились в глубоком секрете, позволило нам благополучно провести все необходимые испытания и вырастить взрослую особь. Прошу познакомиться: Анна-Мария, можно сказать, человек будущего. Чтобы ни у кого не осталось сомнений, что Анна-Мария создана искусственно, я попрошу ее раздеться...

Из-за стола выходит молодая девушка в таком же, как у всех, темно-сером костюме, и неспеша начинает расстегивать пуговицы.

Я перестаю дышать.

АЛЕКС:

Совещание начинается со скандала.

Как всегда, затевает его директор Департамента гормональных проблем Тэсс:

– Мне кажется, в Проекте недоучитывается роль физиологии, изначально различной в мужчинах и женщинах. Ведь человек существо не только социальное, но и дитя Природы. Невостребованные природные функции могут привести к тяжелым заболеваниям как физическим, так и психическим. Я не против главенствующей роли женщины во всем, но главенствовать женщина должна добровольно. Не у каждой есть желание отказаться от своего женского начала. Это подтверждает факт растущей активности движения «Верните женщину на кухню!». Ведь даже в любовных отношениях, приносящих душевные страдания, есть положительный момент. Работают определенные гормоны, которые повышают работоспособность...

Я обрываю завывания Тэсс:

– Тебе по должности положено заботиться о гормонах! Вот и позаботься, чтобы в аптеках было достаточно этих самых гормонов, а уж министр гражданского равноправия позаботится, чтобы все граждане страны имели равные возможности потреблять их в нужных количествах. А министр полиции проследит, чтоб никто не вздумал увилывать. И все проблемы рассосутся вместе с гормонами. А ты, я вижу, готова списать на капризы природы все противозаконные действия граждан! Хватит! Четверть века Компания финансирует Проект «Человек из пробирки», потратила на него сотни миллиардов! Пора увидеть итог работы наших ученых...

Прекрасные пропорции тела, гладко-розовая кожа... Искусственная женщина оказывается возмутительно, нечеловечески, отвратительно совершенным образцом!

Мы молча разглядываем ее, а она смотрит на нас с вызовом, даже слегка насмешливо.

– Видите?! – торжествующе вопит Лотар. – Все видят главное доказательство искусственности этого экземпляра? А? У нее нет пупка! И сосков!

Действительно. Образец гладкий, без волос и пупка. Вместо грудей – только небольшие выпуклости. Это понятно, она ведь не будет рожать и кормить младенца. Ей не нужны половые органы...

– А органы выделения у нее есть? Они работают?

– Конечно! Анна-Мария, повернитесь! Все как у обычных людей!

В полном ошеломлении я жму кнопку коммуникатора:

– Гослин, сейчас будет перерыв, закажи робот-кухне кофе на всех участниц совещания... Сколько нас? Десять... Нет, одиннадцать больших чашек черного без сахара... Или Образец... То есть, Анна-Мария предпочитает сладкий?

– Нет, я как все, – отвечает искусственная женщина, одеваясь.

И почему-то хохочет от всей души.

МАКС:

Она стоит прямо под ярким светильником и без смущения демонстрирует себя обнаженную.

«Это невозможно! – трепыхается у меня в мозгу. – Так не бывает!»

Ее зовут Анна-Мария... Это говорит... как ее... Лотар... И просит повернуться.

Анна-Мария поворачивается к собранию спиной и смотрит прямо на приоткрытую дверь, за которой шпиону я. Меня, конечно, не видит, и щель тоже – дверь закамуфлирована под стену, но если пошевелюсь, может заметить...

Силиконовая Барби с черными волосами до плеч, яркими синими глазами, розовым ртом, идеальными пропорциями гладкого тела, лишённого женской сущности, и... У нее действительно нет пупка!

Я выполнил задание и могу сообщить Лидеру результат: да, матриархальный проект уничтожения мужского пола существует. Однако до полного исчезновения всех мужчин понадобятся годы. Их можно использовать на противостояние. Не сомневаюсь, наша борьба будет жесткой, даже жестокой...

Не дышу, не двигаюсь, стараюсь ничего не чувствовать.

В голове носится вихрь: «Алекс отослала меня... Очень хорошо... Надо здесь закрыться, переночевать и выйти завтра до ее прихода... Нет, не буду ждать... Я свободен... Уйдут – наберу сообщение Лидеру... Этой же ночью сбегу обратно на Остров...» В сумбур мыслей врывается властный голос Алекс:

– Макс, у нас перерыв, передай заказ робот-кухне: всем черный кофе без сахара!

Она забыла, что меня нет!

Это рушит мои планы.

Так. Закрыть дверь... Открыть окно...

Ученым еще предстоит исследовать те силы, что стремительно выносят меня по карнизу в приемную.

Где пульт? Набираю заказ. Через минуту робот накроет на стол, специальный лифт поднимет его в кабинет Алекс.

Скрываюсь в туалете. Мою руки, лицо, пытаюсь отряхнуть костюм... Причесываюсь пятерней... Как все-таки паршиво, что закон запрещает зеркала в общественных местах! Мотивация идиотская: чтобы женщины не заботились о внешней привлекательности ради мужского внимания!

Пью из-под крана. Дышу глубоко: на четыре вдох, на четыре выдох! Я в норме.

Быстро набираю на браслете-мобильнике: «Проект уничтожения мужского населения реально существует. В Компании есть лаборатория по искусственному созданию женщин».

Все. Можно выходить из игры.

За рабочим столом, окончательно прихожу в себя. Как раз вовремя – совещание закончилось, участницы начинают расходиться.

Алекс буквально светится счастьем и выглядит почти красавицей. Да, успех не только окрыляет, но и украшает. Рядом с ней Анна-Мария, уже одета. Вот она-то как раз не «почти», а реально фантастически красива.

Алекс напрочь забыла, что меня здесь не должно быть.

– Макс, познакомься, это Анна-Мария. Теперь она тоже сотрудник нашей Компании. Будет работать в департаменте Лотар.

Анна-Мария протягивает мне руку. Я пожимаю ее, ожидая холодного кукольного прикосновения. Однако кисть искусственной женщины оказывается теплой и нежной...

– Я Макс Гослин, секретарь мадам Брик.

– Чего?!

Надо же так проколоться! «Мадам»! Это от волнения из меня без спроса выскочил историк.

– Видите ли, несколько веков назад так обращались к женщинам. Раньше я занимался наукой, иногда забываю, что уже не занимаюсь...

Они дружно смеются.

Алекс открыто, приветливо смотрит мне в глаза:

– Между прочим, кто-то звал меня смотреть коллекцию. Как, Макс, приглашение в силе?

– Разумеется! Приглашаю и тебя, Алекс, и тебя, Анна-Мария...

– Можно просто Анни-Ма.

– Да, конечно... Вас обеих я приглашаю. Зеркала, портреты, костюмы... И прекрасный виски в неограниченном количестве здесь, на сотом этаже... Как ты относишься к виски, Анни-Ма?

– С уважением.

Она опять смеется. Синие глаза – живые, розовые щеки, нежные белые руки...

Анна-Мария, Анни-Ма, Анима, Анимэ... Кукла. Но... Нет. Я запрещаю себе видеть в ней подлинную женщину. И, как мне кажется, с этим заданием тоже успешно справляюсь.

АЛЕКС:

А у него уютно, хотя и очень тесно. Все заставлено, завешано...

– Макс, а где та штука с рыбками? Как ее?..

– Псише. Вот.

Он сдергивает покрывало с какой-то вещицы. Я вздрагиваю: отражение настолько чистое, яркое, словно навстречу мне вышел мой двойник. Как же давно я не видела себя в полный рост!

Конечно, Анни-Ма красивее меня, но ведь подделка всегда совершеннее подлинника...

Рама действительно искусно вырезана – вокруг зеркального полотна домик, какая-то бабка, дедок с сетью и роскошная рыба в короне. Макс бережно прикасается к лаковому барельефу, нежно гладит фигурки:

– Эта объемная резьба иллюстрирует сказку о рыбаке и рыбке поэта девятнадцатого века Александра Пушкина.

– Знаю эту сказку. Там рыбку поймала старуха, а потом дед требовал, чтобы она добилась для него вначале боярской шапки, потом терема, потом царской короны...

– Нет-нет! Так сказку переписали уже при матриархате, а в оригинале рыбку поймал старик... Вот, в этой книге оригинальный текст. Можете познакомиться. А я пока достану виски и фрукты. Держите бокалы.

Макс уходит, а я открываю книгу, хотя мне совсем не интересен древний текст, дискриминирующий женщину.

Анни-Ма разглядывает картины на стенах – женские портреты в странных одеяниях.

Возвращается Макс с большой бутылкой виски.

Он не сводит глаз с Образца. Его не совсем нормальное внимание раздражает меня. А искусственной женщине, похоже, нравится. Она сама льнет к нему, пристает с вопросами:

– Макс, как много у тебя книг и все про женщин! «Женщины-монархи», «Женщины и политика», «Женщины и войны»...

– У меня исследование на тему «Роль женщины в истории планеты».

Они ведут себя так, словно их здесь только двое. Слово меня нет.

Но виски у Макса и правда превосходный. Бутылка старинная... На этикетке – история создания Masellan... Читать ее гораздо интереснее, чем сказку про несчастного деду-рыбака и его вредную бабку.

Пожалуй, налью себе еще чуть-чуть. И сяду в это музейное кресло...

Ой! Провалилась. Однако уютненько!

– Макс, ты говорил про костюмы. Где они?

МАКС:

Мой взгляд не слушается меня. Постоянно тянется к Анни-Ма.

Она ходит по комнате, разглядывает книги, портреты, периодически поглядывая на себя в зеркало. Я не стал снова закрывать псише покрывалом, пусть смотрится, это полезно.

Алекс устроилась в мягком кресле из гарнитура французского короля и потихоньку потягивает виски. Взгляд недовольный. Неужели ревнует? Зря. Мое внимание к прекрасной анимэ не имеет ничего общего с мужским вниманием к женщине. Однако есть в ней нечто такое, что мне хотелось бы рассмотреть детально. Пока не получается.

– А? Костюмы? Сейчас.

Четыре портплекда я разместил на кронштейне в крошечной прихожей. Зачем? Был уверен, что в свободное от шпионажа время продолжу начатое описание древнеримской моды. Вот и прихватил с собой паллу, столу, тунику и далматику. Живые вещи помогают в работе, дают ощущение эпохи больше, чем электронные файлы.

Увидев кучу ярких тканей, мои гости оживляются! Разворачивают широкие одеяния, сшитые современными мастерами по старинным эскизам, и забрасывают меня вопросами. Я показываю, как одевались матроны в Древнем Риме.

Они прикидывают на себя то одну, то другую вещь, вертятся в них перед зеркалом.

О зеркало! Только у тебя есть власть над женщиной!

О женщина! Тебе от себя никуда не деться!..

Наконец выбор сделан. Алекс закутывается в тогу поверх костюма и снова падает в кресло.

Анни-Ма без малейшего смущения скидывает одежду, надевает на свое бесполое тело короткую тунику, и... Я наконец понимаю, что же так притягивало к ней мой взгляд!

Понимаю, но не знаю, что с этим делать.

Из кресла раздается тихое похрапывание: Алекс мирно уснула в образе римского императора в кресле императора французского.

Анна-Мария кривит губы:

– Тоже мне, властительница умов, преобразовательница мира! Надо же так надраться.

– Она выпила не больше нашего. Просто устала. На меня виски тоже оказывают снотворное действие. А почему ты так о ней... недобро? Ведь если бы не она – не было бы и тебя. Она тебя сотворила, не так ли? Она, считай, твой бог. Или нет?

– Что значит «или нет»?

– Руки. Твои руки до запястий другого цвета. Это почти незаметно, но я много лет занимаюсь изучением живописных полотен, умею различать тона. Лицо, шея и тело... Грим наложен умело, но опять же, оттенки выдают: на тебе костюм, скрывающий пупок и грудь...

– Догадался? И что теперь? Сдашь меня этой... Да ты знаешь, кто она? Она твой могильщик!

– Знаю. Но еще она несчастная, одинокая женщина. Как сейчас выясняется, жестоко обманутая и обобранная. Зачем? Зачем весь этот маскарад?

– Что тут непонятного? Деньги. Знаешь, сколько Алекс отваливает на экспериментальные работы?

– А их нет?

– Ну почему же, есть... Чего-то там ученые варят, скрещивают, выращивают, но до производства настоящего живого человека дело не дошло.

– Тогда... Кто ты? Откуда? Как тебя зовут на самом деле?

– Так и зовут: Анна-Мария, как мать назвала.

– Твоя мать? Кто она?

– Лотар. Руководитель Проекта «Человек из пробирки». И лидер движения «Верните женщину на кухню!». Собственно, на борьбу за право женщин иметь полноценную семью и уходят деньги сумасшедшей Александры Брик. Ну еще часть на «создание» и содержание меня. Я получила прекрасное платное образование...

– У тебя есть профессия? Какая?

– Химик. Искусственную человеческую кожу я изобрела.

Анна-Мария одним движением скидывает тунику, поднимает руки, запускает пальцы за основание шеи и тянет вниз...

Она снимает с себя оболочку «человека из пробирки», обнажая юную грудь с крупными розовыми сосками, маленький пупок, треугольник темных волос внизу живота... И стоит передо мной обнаженная – такая прекрасная и такая... подлая.

Я поднимаю паллу, набрасываю на нее, все еще не веря, что тайна секретного проекта раскрылась так быстро и так, в сущности, пошло...

Босой ногой Анна-Мария отбрасывает скомканную ложную свою суть:

– Видишь, какая эта кожа легкая, мягкая, почти не заметная на теле. С ее помощью можно было бы создать много женщин из пробирки и иметь много денег. Довольно опрометчиво с твоей стороны раскрыть мою тайну, Макс!

Даже не делаю попытки узнать, что такое блеснуло в руке Анны-Марии. Бросаюсь на нее и валю на пол. Она молодая, сильная, а я кабинетный червь, сутками не выходящий из дома. Мы барахтаемся, путаемся в палле. И вдруг раздается истошный вопль Алекс:

– Нет! Макс! Нет! Она не человек, не женщина! Я женщина! Я!

АЛЕКС:

Они обнимаются на полу – как это мерзко!

Что-то кричу, не слыша себя.

Анна-Мария выскальзывает из-под Макса и, волоча за собой какую-то коричневую тряпку, несется к двери. Что-то изменилось в ней – не успеваю заметить, что именно...

Громко щелкает замок.

Макс все еще валяется у моих ног. Пинаю его, не в силах сдержать негодование!

– Как ты мог?! Как?!

Он встает на четвереньки, светлые волосы закрывают лицо.

Вижу капли крови, падающие на пол. Очевидно, у него разбит нос.

Помогаю ему встать. Тога мешает. Сбрасываю и направляюсь к двери.

Мне противно здесь все: и эти тряпки, и эти картины, и этот мужчина, едва не ставший мне другом...

Что он говорит?.. Что?!

Нет! Этого не может быть!

Только не плакать!

Как мне теперь дальше жить?..

МАКС:

Алекс сильная – не показывает свою боль, обиду, возмущение. Молча кусает губы. Я не утешаю. Что тМы допиваем виски и мирно, целомудренно засыпаем на моей постели под портретом прапрабабушки в розовом платье и шляпке с цветами.

Утром на мобильник-браслет приходит сообщение с Острова: «Не увольняйся. Узнай, где находится лаборатория». Усмехаюсь и стираю новое задание.

...На Острове все по-старому.

Лидер собирает митинги и пишет плакаты, требуя для мужчин равных с женщинами прав. Я в своем доме по-прежнему одинок.

Телеканалы разносят новость о продаже олигархом Александрой Брик ее процветающей Компании. И о крепнущем движении «Верните женщину на кухню!».

Удивляюсь, как они не встретились – митингующие мужчины и женщины. А ведь могли бы договориться...

Звонит звонок у моей двери. Иду открывать.

На пороге, смущенно улыбаясь, стоит Алекс. В руках у нее большой круглый аквариум. Золотая рыбка смотрит на меня оттуда круглым фиолетовым глазом...

Анна Седова. Пленэр. Масло. 2023

ПУБЛИЦИСТИКА

Петр Дубенко

(МОССАЛИТ, Москва)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ – ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА

Выступление на Круглом столе № 10 «Что такое детектив?»¹

В последнее десятилетие особой популярностью стал пользоваться такой поджанр детектива, как исторический детектив.

Это довольно молодой жанр. Первым историческим детективом считается роман Умберто Эко «Имя Розы», опубликованный в 1980 году. То есть историческому детективу как направлению литературы всего-то сорок с небольшим лет. Можно даже сказать, что жанр до конца еще не оформился, поэтому иногда происходит путаница – к историческим детективам часто причисляют произведения, которые, по сути, таковыми не являются.

Согласно распространенному определению это детектив, действие которого разворачивается в прошлом. Однако тут не все так просто и только этого признака недостаточно, чтобы назвать детектив историческим. Яркий пример – серия рассказов о Шерлоке Холмсе. С нашей точки зрения действие происходит в прошлом. Но ведь Конан Дойл писал практически о своем современнике. Точно так же классические детективы, написанные о наших днях, через сто лет будут

восприниматься потомками как повествование о прошлом, но они тоже не станут от того историческими. Поэтому давайте разберемся, каким еще требованиям должен отвечать детектив, чтобы считаться именно историческим.

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=9j2zp1BmEJA>

Одна из главных примет, сейчас считающаяся обязательной, поначалу была скорее вынужденной необходимостью, с которой сталкивались авторы подобных произведений. И только позже, с развитием жанра, она закрепилась уже как обязательное свойство – это стало такой данью традиции. Дело в том, что сыщики и полицейские – именно как профессия, сложившаяся, устоявшаяся профессия – появились не раньше конца XVIII века. До этого полиции как таковой просто не было и борьба с преступностью ложилась на плечи самих граждан.

Отсюда вытекает особенность исторического детектива – главный герой не может быть профессиональным сыщиком. Даже если действие произведения помещено в более позднее время, когда профессия сыщиков уже сложилась. Обычно в таких случаях полицейские выступают в роли второстепенных персонажей. Но главный герой – это все равно обычный человек, волею судеб случайно втянутый в политические интриги и попавший в водоворот опасных событий.

А из этого вытекает вторая обязательная особенность жанра. Это неотделимость детективного сюжета от особенностей эпохи. Если само преступление и его расследование можно без потерь для сюжета и смысла перенести на сто лет вперед или назад, то это уже не исторический детектив. Таким образом, убийство старухи-процентщицы и его расследование не могут стать основой для исторического детектива, хотя действие и происходит в прошлом. Даже если преступление полностью вымышлено, оно обязательно должно стать частью реальных исторических событий, происходивших в конкретное время в конкретном месте. Все это можно хорошо показать как раз на примере романа «Имя Розы». Во-первых, главный герой. Монах-францисканец Вильгельм Баскервильский. Он не профессиональный сыщик и в начале произведения прибывает на место действия, а именно в отдаленный монастырь, совсем по другим причинам. Цель приезда – подготовка встречи между теологами папы Иоанна XXII и императора Священной Римской империи германской нации Людовика IV Баварского.

Тут нужна небольшая историческая справка о сути конфликта и его развитии. В самом своем начале институт папства в католической церкви обладал огромной властью. Вплоть до того, что именно папа римский, как наместник Бога на земле, утверждал монархов на том или ином престоле. Ни один европейский король не мог занять свой пост без одобрения из Рима. Однако со временем светские правители стали обретать все большую самостоятельность. И как следствие зазвучали заявления, что церковь должна заниматься только духовной жизнью, а все прочее оставить монархам. В результате, примерно в середине XIII века началась ожесточенная борьба между папским двором и правителями Священной Римской империи германской нации. В рамках этого противостояния действительно состоялось несколько теологических диспутов между сторонниками императора и папы. В них обе стороны, естественно, опираясь на Библию, пытались доказать правоту каждой своей позиции.

Именно для подготовки такой реальной встречи и прибыл вымышленный Вильгельм Баскервильский. Но накануне его приезда в обители случается убийство, а потом и еще несколько. Это ставит судьбоносную встречу под угрозу. И потому главному герою необходимо во что бы то ни стало раскрыть серию загадочных преступлений. Таким образом, полностью вымышленный детективный сюжет оказался встроено в реальные политические события, которые изменили судьбу средневековой Европы.

Итак, исторический детектив – это не просто детективная история, случившаяся в далеком прошлом. Рассказы о Шерлоке Холмсе – не исторический, а настоящий классический детектив. Чтобы произведение стало именно историческим детективом, оно должно соответствовать еще двум признакам. Во-первых, и это главное, существует неразрывная связь с эпохой. Сначала вымышленное преступление становится результатом реальной политической ситуации, тайных интриг власть имущих, а потом его расследование так или иначе обязательно влияет на дальнейший ход исторических событий. Во-вторых, расследованием занят не профессиональный сыщик, а обычный человек, который волею судеб оказался втянут в водоворот событий. Вот это будет настоящий и правильный исторический детектив.

ПОЭЗИЯ

ГАЛИНА КЛЮЧНИКОВА

(г. Сергиев Посад)

Движение

Сменяют лето осени и зимы,
И понимаешь – жизнь летит вперед!
Смешенья чувств в душе неизгладимы,
Когда уходишь в новый поворот.

В водовороте дней, недель, столетий
Мир сотрясают разные ветра.
В них поколенья рождены соцветий
Детей, от января до декабря.

Подобны облакам здесь наши жизни:
Появятся, растают, уплывут...
Иные лишь набросками, эскизны,
Другие же шедевры создадут.

Сменяются так быстро поколенья,
Когда уйдешь, не знаешь наперед.
То высших сил законы и веленья,
Ты лишь успеешь здесь свой продолжить род.

Придуманное свидание

Ты заказал нам столик на двоих.
Под музыку в уютном полумраке
Ты что-то говорил о Пастернаке,
Но от тебя ждала я слов других.

Хотелось мне касаний наших рук,
Глаз говорящих, слов и восхищенья.
Не замечала я людей движенья,
Ловила слов твоих я каждый звук.

Был ароматен кофе, крем-брюле
Нетронутым растаяло в креманке...
Пульсировала кровь в сердечной ранке,
Вино плескалось в хрупком хрустале.

Был просто майский вечер и весна...
И не свершилось... Тщетны ожидания.
Обычный ужин назвала свиданьем
Влюбленности нахлынувшей волна.

Полнолуние

Вечер, начавшись, мне дарит печаль,
Черпает тьму нарочито спокойно.
Лунного света роняет вуаль,
Звезды включаются бесперебойно.

Тонкую ниточку лунный клубок
Мне протянул, пригласив на прогулку.
Сердце усилило свой кровоток,
Эхом в висках вдруг откликнулось гулко.

Он обещает мне встречу с тобой,
В темном безмолвье холодном и вечном.
Вяжет фантазии пряжей ночной,
Путь освещая галактики Млечный.

А по спине пробежал холодок...
Этот загадочный свет полнолуния...
Облаком белым крылатый дымок
Спрятал собою ночную колдунью.

Бессоннице

*Ты опять, опять со мной, бессонница!
Неподвижный лик твой узнаю.
Что, красавица, что, беззаконница,
Разве плохо я тебе пою?*

А. Ахматова

Снова ты пришла, моя бессонница,
Розовый рассвет заглянет в окна...
Я с недавних пор твоя поклонница –
Тку слова в строку, нежны волокна
Света лунного – слова теснятся...
Запишу – зажгутся светлячками,
Память растревожат, разлетятся,
Обернувшись новыми мечтами.

Бесполезно гнать тебя, бессонница,
Ты строптива, за душу берешь...
Да и я насилья не сторонница,
Знаю, все равно ведь не уйдешь.
Примираюсь я с твоею волею,
Не смыкая глаз, пишу стихи...
Не впадая даже в меланхолию,
Жду, когда проснутся петухи.

Моя Россия

Тишина и покой. Высоко в синеве
Растворяется облако белое.
И с мечтой, заблудившись в лесном
волшебстве,
Сквозь кусты пробираюсь несмело я.

Солнца ласковый луч между веток блеснет,
Перламутром горят травы росные...
Разве кто-то ведет всем богатствам учет
Между нашими яркими веснами?

Ты щедра и богата, великая Русь,
Ты добра чересчур даже к недругам.

Но тебя я всем сердцем люблю и горжусь,
И своими отважными предками.

Из пучины беды возрождалась не раз,
Словно феникс из пепла горячего.
Не любила себя выставлять напоказ,
И была много раз одурочена.

Ты сегодня, на бранное поле шагнув,
Защищаешь народ силой праведной.
Не оставит Господь православья страну,
С Божьей помощью, верю я, справимся.

Стансы

*Да не будет дано и тебе,
Облака торопя,
В темноте увидеть
Мои слезы и жалкое горе.*
И. Бродский

Я когда-то уйду
в те края затихающих гроз,
Оставляя другим
неоконченных дел вереницу.
И мой жизненный путь,
как бы ни был он сложен иль прост,
Не отбросить его,
как ненужную вдруг рукавицу.
Ты меня проводи
в эту даль, облака торопя,
Улыбнись, как тогда,
в нашу самую первую встречу.
И пусть наша мечта
остается в душе у тебя,
Слез моих ты не жди,
я лишь дождиком мелким отвечу.
Ты услышь тишину,
что прольет над заливами ночь.
Нежный шелест стихов
на бумагу лови, словно звезды
Будут падать они
в благодать оживляющих почв,
Ароматами слов
будет щедро пропитан здесь воздух.

Даниил Арбузов. Пленэр. 2023

Даниил Арбузов. Пленэр. 2023

ПОЭЗИЯ

Ольга Флярковская
(Москва)

Моя улица

Февральские тучи белесы,
В разрывах – огонь синевы.
Здесь смотрят Котельники косо
На дальние планы Москвы.
По Ватину в горочку – круто?
Шагай же, душа с тебя вон!
Какие живые минуты –
Афонский серебряный звон!
Пусть прошлое тихой Гончарной
Укрыто фасадным новьем,
По маленькой чарке за чары
Весенние выпьем вдвоем!
За то, что порог этот тяжкий
Еще нам дано одолеть,
За то, что последней рубашкой
Покуда не делится смерть,
За то, что рябинные бусы
Склевали дотла воробьи,
За то, что чудесного вкуса,
Никола, просфорки твои!
За то, что забав моих детских
Исчезнувший в памяти след,
Мой двор, ты упрятал, как в сердце,
Под этот растаявший снег!

Земляника

Под мою панамку загляни-ка!
Густо покраснею... Ну и пусть. –
Башмака коснулась земляника,
на лесной полянке малый куст.
Не сказать, что пышные усы-то...
А раскинет их, и через год –
ягодой душистой бор усыпан
и спешит с ведерками народ.
А она: даешь продукт – и точка!
И стоит – капралом на плацу:
– Раз и два,
откинули платочки!
Нам людей чураться не к лицу.

Утомились Дуня, Таня, Вика,
наполняя ягодкой ковши,
А на них смотрела земляника
и в усы смеялась от души!

Лукерья Комарница

На Лукерью Комарницу²
 Распушилась трава –
 Знать, ведунья и травница
 Заступает в права.

Заневестилось деревце
 Позднеспелой ольхи.
 Что сережками меряться,
 Коли речи тихи?

Ты прихлопнуть комарика-
 первачка погоди:
 Он живой, хоть и маленький,
 Вся-то жизнь впереди!

На стремнине, у плеса ли
 Своенравной реки
 Он мелькает над веслами,
 Не касаясь руки.

Новгородская девица
 Свой покров доткала...
 Что обидами меряться?
 Молодой умерла...

А с годами приметили:
 В день Лукерьи – ни-ни
 Малой жизни на свете ты
 Невзначай не сомни.

На Лукерью Комарницу
 Звон стоит в камышах!
 ...Может, все же исправится
 В человеке душа?

Хранитель

Корпус белый вековой,
 Желтый свет из синих окон...
 Здесь стоит как часовой
 Снежный Ваня кособоко.

От беды и от войны
 Бережет родные веси –
 Чуть поодаль от стены
 День за днем стоит на месте.

На него глядит звезда
 Из космического мрака.
 Рядом с Ваней никогда
 Не кусается собака.

К Ване в гости ходит кот
 На морковную пирушку.
 Утром Ваня подает
 Палку сгорбленной старушке.

Рядом с Ваней тает грусть,
 Чем-то тихим полон вечер –
 Это знает карапуз,
 Что бежит ему навстречу.

Снежный Ваня день и ночь
 Занят добрыми делами.
 Он готов и вам помочь,
 Убедитесь в этом сами!

...За окошком вяжет шаль
 Вьюга – Севера невеста,
 И глядит куда-то вдаль
 Ангел Ваня у подъезда...

² Лукерья Комарница отмечается 26 мая (по старому стилю 13 мая). В православном церковном календаре это день памяти святой праведной Гликерии, девы Новгородской. Она умерла молодой, но прославилась чудесами исцелений, свершавшимися у ее нетленных мощей.

Оберег

Не жука скарабея, катящего солнце в овражину,
Не заглавную букву в колечке – серебряной прорезью, –
Я беру в обереги дорогу крутую и влажную,
И утиное царство на глади зеркального озера.

Деревянный мосток, и осоку, и мхами заросшую
Грудь скалы, где, сливаясь в единое звонами,
Колоколят ключи, и живет величавое прошлое,
И легенды кружат над Изборском ветрами калеными.

Здесь в низинах туман вечерами, как леший, лохматится,
А над озером храм, а над храмом – небесное пастбище.
Здесь прильнуло ко мне отсыревшее летнее платье,
Но коснулась плеча, согревая, кленовая лапища.

Только здесь и тревоги, и страхи ночные излечатся,
Потемневший мосток проведет от отчаянья к чайняю.
Здесь мгновенье одно, народившись, становится вечностью,
А душе для молитвы даются простор и молчание.

Полина Ягольникова. Пленэр. Псков. Масло. 2023

ПОЭЗИЯ

Никита Брагин
(Москва)

Из цикла «Сербская рапсодия»

Все воздушней, все скорее
через реки и холмы
от апостола Андрея
до апостола Фомы,
от распаханного поля
и соснового венца
до жемчужины в неволе
и железного кольца...
Дух любви и дух сомнений,
с вечной скорбью вечный спор,
по полям туман и тени,
в небесах молчанье гор...
От ручья до океана
в тихой музыке дождя,
обезумевшие страны
незаметно обходя,
Ты все видишь, Ты все знаешь,
Ты опять прощаешь нам,
но с отравой кровь земная
делит души пополам,
по артериям и венам
растекается огнем,
то позором, то изменой
искушая день за днем.
Разум злобен, сердце немо,
страсть слепа и горяча...
Ты простишь и эту немощь –
самому бы не прощать,
самому надеть рубаху,
что как снег белым-бела,
самому пойти на плаху
за слова и за дела,
а потом с Тобой далёко
через горы и леса,
где, куда ни глянет око,

края отчего краса,
где Твое благословенье
в подорожнике росой,
где откроется спасенье
душеньке босой.

1914

Возьми мое сердце, река,
за громы всех армий Европы,
за рваные шрамы окопов,
за грань ледяную штыка,
за жаркую смерть у виска,
за эту могильную глину,
за то, что уже не покину
твой берег, родная река.

Возьми мою силу, трава,
возьми и расти, полевая,
за то, что дожди поливают,
за то, что шумят деревья,
за раны и слезы родства
с изрытой истоптанной пашней,
за брата в могиле вчерашней
возьми мою силу, трава.

Возьми мою правду, земля,
возьми за пшеничные зерна,
за лемех, тяжелый и черный,
за Господа и короля!
Простите, родные поля,
прости, золотая Морава,
храни мою крестную славу,
храни мою правду, земля!

1943

Впереди ползет обоз,
беженцы и госпиталь –
там вода дороже слез,
помоги им, Господи!
Впереди во весь свой рост
скалы-исполины,
позади горящий мост,
факел над пучиной.

Горы плетью по горбам
хлещет смерть крылатая –
это вам не кегельбан,
не постель измятая,
это ребра ржавых скал,
мертвые стремнины,
это огненный оскал
выпрыгнувшей мины...

Это жажда, всем одна –
как дожить до вечера,
это кровь, черным-черна,
из пробитой печени,
это вздох издалека,
из иного мира,
это капля молока,
это ладан с миром.

Это памяти река,
сжатая теснинами,
это руки старика,
взрытые морщинами,
это гребни черных гор
в тихой звездной темени,
и прощальный разговор
с уходящим временем.

Два кладбища

В Белграде русских воинов могилы,
здесь красных, а через дорогу – белых.
Душа моя, ты всех их отмолила,
и, кажется, часть жизни отлетела
и вновь упала теплыми дождями
на эту землю, черную, живую,
где осенью каштаны с желудями,
сухой листвой укутаны, тоскуют
о солнце уходящем, засыпая.
А нам какие сны подарит полночь
кромешная, холодная, слепая?
Я не хочу гадать, я переполнен
сознанием России в расставании,
в изгнании, рассеянии, смуте.
А здесь ее триумфы и страдания
сливаются в одно, подобно ртути...
По сердцу вьется золотая нить –
и я ее не смею разделить!

Два собора

Во многих странах закрывают церкви
затем, что паствы нет, и вера меркнет,
меж тем жилплощадь – страшный дефицит.
И вот вам, словно клоун на параде,
доходный дом в готическом наряде,
и радужный флажок на нем висит.

Но есть державы, где святые храмы
и ныне строят, не скупясь на мрамор,
и золотят кресты и купола.
В небесной вышине виденья рая,
и праведные воины взирают,
и смальта благородная светла.

И вижу я великих два собора –
один весь в белокаменном уборе,
другой как будто в танковой броне,
один в Белграде над священным пеплом,
другой на месте фронтового пекла
в привольной подмосковной сторон

Изгнание народа

Бескрајан плави круг. У њему звезда.

Сеобе. Милош Црњански

Опустошение земли,
переселение народа –
сойди с дороги и замри,
и слушай, как скрипят подводы,
как умолкает детский плач
в объятиях мужского стона –
смотри – кровоточит икона,
потрогай пепел – он горяч,
как сердце только что убитой
малиновки – ее гнезда
уже не видно под копытом,
а впереди горит звезда –

одна, как Божия лампада,
неугасающий елей...
Так пастырь направляет стадо,
идущее с родных полей –
и весь народ вечерней жертвой
сквозь горла каменных теснин
по хрусту ледяных седин
идет своей дорогой смертной –
чужие земли впереди,
бесплодые, стылые болота,
солдат свинцовые ряды,
держав железные ворота...

Пролистывая триста лет,
я вижу тот же темно-синий
бескрайний небосвод и свет
негаснущей звезды в пустыне.
Мы все уходим – кто сейчас,
кто завтра от своих кочевий,
и прорастает в нашем гневе
чужих наречий пустопляс,
и в облаках иссиня-черных
грохочут сорок сороков,
и умирающие зерна
дробятся в жерновах веков...

Как хочется стать европейцем,
быть признанным, принятым в клуб,
однако же, сколько ни бейся
израненным темечком в дуб,
тебя все равно отодвинут
и скорчат спесивую мину
болгарин, румын и поляк.
Что толку в мечтах и талантах?
В Париже ты нищий в опанках,
в Берлине презренный селяк.

Но стоит ли быть европейцем
на капище модных божков
и жить в однополном семействе
среди шестицветных флажков?
Мерзейшая ныне эпоха –
господствуют алчность и похоть,
и скоро не будет детей.
Обрушатся ветхие стены,
спасать не придут супермены,
огня не подаст Прометей.

Не лучше ли собственной жизнью
свободно и честно прожить,
в своей богоданной отчизне
воды родниковой испить,
глаза не скрывая под маской,
про все говорить без опаски,
а просто, как совесть велит,
ничем не испорченной речью,
растущей из правды извечной
родимой земли.

Не ждите милости, ни от кого не ждите!
 Вот-вот на голову наступит победитель
 своим кровавым сапогом,
 и так надавит, чтобы кости затрещали,
 и чтобы ни следа от лживых обещаний,
 и даже слова – ни о ком!

Откуда милость в мире смрадного разврата,
 где каждый содомит с полсотней адвокатов,
 и гарвардский диплом у всех!
 Тем временем, пока вы ждете
 справедливость,
 звучат хрустальный звон, и здравиц
 переливы,
 и радостный свинячий смех!

Европа – царство лжи, осмысленно-
 циничной,
 и к совести взывать там просто неприлично,
 и безопасней промолчать,
 и, стискивая зубы, делать то, что можешь,
 и не сдаваться, даже если уничтожен
 твой мир на дыбе палача.

Не ждите светочей, но ожидайте пламя,
 как в годы оные сигналы над горами
 о том, что воинство в пути,
 не ждите музыку, но ожидайте громы,
 и дождь огня, и серный пепел над
 Содомом...
 Господь, помилуй и прости.

Сирень

Наверное, уже цветет сирень
 у Выдубицкого монастыря,
 наверное, вздыхая и горя,
 она наполнила весенний день
 румянцем, сливками и синевой,
 задумчивой и помнящей печаль...
 Но день так ясен, и над головой
 такая кипень и такая даль...

А мне все видятся скелеты тополей,
 изодранные остовы машин,
 и черный дым с истерзанных полей,
 и слезы с кровью на щеках мужчин.

Нежность пепла

Земля, ты столько бережешь
 в себе, за пазухой шинели –
 сошник, подкову, царский грош,
 жестянку из-под карамели –
 любви и времени осколки,
 кусочки драгоценных ваз,
 припрятанные втихомолку
 от посторонних глаз.

Родная, черная, прости!
 Поклон твоим цветам и злакам!
 Как горестно держать в горсти
 тебя, наполненную прахом!
 Но, чтобы память не ослепла,
 и слово не сдалось огню,
 в сосуде сердца нежность пепла
 я мысленно храню.

Три поколения войны,
 мальчишки, их отцы и деды,
 что до сих пор не сочтены
 и ждут поныне день победы –
 кто на высотах, кто в болотах,
 кто мхом укрыт, кто муравой...
 На поле боя ждет пехота
 салюта над Москвой.

Насколько лучше нас они,
 настолько тяжелей утрата.
 Не скажешь времени – верни,
 и не услышишь голос брата.
 Есть только память о родимых
 и поминальные венки,
 и от Рыбачьего до Крыма
 бессмертные полки.

Снайпер

В просветленной оптике прицела
видеть окна, двери, силуэты,
словно текст без точек и пробелов –
на виду хранимые секреты,
комья жизни на штыке лопаты,
яркий фантик в мусорном мешке,
и недолгий блеск звезды косматой,
мимо пролетевшей налегке.

Равномерно, медленно, направо
и немного вниз... Велосипедик
замер возле лужицы кровавой...
Вверх и влево, ко двору соседей,

а оттуда горькой гари запах,
видно шевеление куста,
вот, уже в прицеле... Но внезапно
вспышка, и обвалом темнота!

Так должны заканчиваться войны –
просто, безусловно, справедливо –
ты теперь не снайпер, а покойник,
а земля темна и терпелива,
а врага встречать ей не впервые –
скольких забрала в себя она...
Годы роковые, грозовые,
Русская весна.

Весна и вечность

Памяти Ольги Качуры

В небе месяц золотой,
крест восьмиконечный,
в чистом поле пыль да зной,
а над полем – вечность.
В мире света и покоя
тают облака,
и уходит все мирское –
музыка легка.

Это музыка любви
над страной взлетает,
как ее ни назови,
а она такая –
ей не дали нотных знаков,
клавишей, струны...
Только залпы и атаки
на полях войны.

У нее была судьба,
но отняли силой...
Орудийная пальба,
свежие могилы...
Ей бы деточек лелеять,

песенку им спеть,
но под сердцем кровь алеет
и приходит смерть.

Но жива ее земля,
но тверды устои...
Хлебодарные поля,
море золотое,
пламенеет жаркий уголь,
рельсы мчатся вдаль,
распрямяется упруго
боевая сталь!

Купол звездно-голубой,
крест восьмиконечный...
Женщины уходят в бой,
перед ними вечность!
Светлые, Господню Чашу
приняли до дна.
Смотрит с фотографий ваших
Русская весна.

В час последнего грома

Через многие-многие годы наступит весна –
в час последнего грома и первого вздоха сирени
внучка тихо попросит, забравшись к тебе на колени –
расскажи, что такое война.

И тогда на мгновение ты онемеешь,
и промчатся сквозь память жестокие майские дни,
где в крови лепестки, где встают смоляные дымы,
извиваясь по небу, как змеи.

Но затем ты расскажешь о том, что любил и мечтал
о зеленых полях и садах в подвенечном уборе,
и о городе белом у самого синего моря,
где в печах-исполинах рождался металл.

И о том, как алеет заря над золой террикона,
как проснулись подсолнухи и серебрится река,
и война умирает слезой на щеке старика,
и Азовское море смеется на детской ладони.

Екатерина Ключкова. Дерево, масло. 2004

ПОЭЗИЯ

Валерий Теркин

(г. Сергиев Посад)

В горенке

Я родился в Крещенский сочельник,
В неказистой, крестьянской избе.
За окном и темно, и метельно,
Завывало тоскливо в трубе.

Жарко топлена русская печь,
Чисто вымыт некрашенный пол...
Под окошком резное крылечко,
Самодельные лавки и стол.

Еле дышит в потемках лампадка
Под иконою в красном углу,
И о чем-то все молится бабка,
Прикасаясь щепоткой ко лбу.

Наша горенка с выходом в сени,
Через них и во двор – напрямиком,
Где всегда пахло хлебом и сеном,
Лошадьми и парным молоком.

Череда занесенных поленниц
Присоседилась возле плетня.
Мирно спал на полатах младенец,
А вокруг целый день беготня.

От церквушки до узенькой речки
Деревенские избы – рядом.
На заре, как затопятся печки,
Дым над каждою крышей – столбом.

На дерюжках играл под окошком,
Что ни день – то открытие мне.
Здесь шагнул, в самотканых сапожках,
В первый раз на потеху родне.

За овраг уходила дорога,
Растворяясь в бескрайних полях.
Я завидовал взрослым немного,
Уезжавшим на резвых конях.

Но однажды – рассветом морозным –
Завернули в тулуп с головой
И в санях, с уходящим обозом,
Увезли из деревни родной.

В переключке далеких событий
Бережит мое сердце давно
Старый домик – святая обитель,
Где в серебряных блестках окно.

Россыпь яблок на моей террасе

Россыпь яблок на моей террасе,
Аромат их свеж и утончен.
Сад осенний потихоньку гаснет...
Так красив, но все же обречен.

Перезрели собранные сливы,
Стайки ос слетаются на пир.
Мимо них пройду я торопливо,
Сторонясь напористых задир.

Надо мною тихо кружат листья,
Оголен смородиновый куст,
И висят несобранные кисти,
Словно украшение из бус.

Дух осенний!.. Ты знаком до боли,
Будоражишь чувственность мою.
Я и сам-то вырос в чистом поле
Сорняком в ромашковом раю.

Поездка к деду

В домашний праздник старый Новый год
Я улетаю в детство непременно.
Запомнился мне розовый восход,
И русской печки теплый дымоход,
И во дворе разбросанное сено.

Стоит лошадка, бьет копытом в снег,
Запряжена в оглобли утром ранним
И фырчет громко...

Не забыть вовек:
Наденет мать иконку-оберег,
Меня – мальчика,
усаживая в сани.

В тулуп овчинный с головы до ног
Укутают в мороз перед дорогой.
Тепло огромных валяных сапог,

Молоко парное с земляникой

Молоко парное с земляникой –
Нет напитка для меня вкусней.
Ягода должна быть свежей, дикой,
Собранной с некошенных полей.

С детских лет впитал я, словно губка,
Вкус и запах края васильков.
Нежилась лесная незабудка
Под покровом лиственных шатров.

До сих пор в обрывках сновидений
Вижу палисад издалека:
Старый дом, завалинку и сени
С запахом парного молока.

Не забыть мне ветхое крылечко,
Возгласы горластых петухов,
Тихую, извилистую речку,
Волшебство июльских вечеров.

Не ушла привязанность с годами –
Вспоминаю прошлое легко.
Вновь хочу я жадными глотками
Пить с утра парное молоко.

Большой, как шар, с вещами узелок,
И скажет мать отцу негромко: «Трогай!»...

Отец взмахнет вожжами, крикнут: «Но-
о!»,
И вот со скрипом и привычной тряской,
Помчатся дровни, как с горы бревно,
Не угодить бы в поворот вверх дном,
Но все равно поездка к деду – сказка!..

Куда ни глянь – заснеженный простор
И красота серебряного поля.
Восторг души я помню до сих пор:
Прохладу рек, лесов и гладь озер –
Мой милый край, и нет счастливей
доли!..

Терпким прополисом с мятой

Терпким прополисом с мятой
Пчельник отцовский пропах.
Память о юности свята...
Вновь я в родимых краях.

Вижу в тумане рассветном,
Как одуванчик цветет!..
Помню, отец каждым летом
С ульев выкачивал мед.

Голос мне слышится звонкий,
Смуглый пацан, как арап...
Вот я бегу к медогонке:
– Можно попробовать, пап?..

Свежие соты душисты.
Пчелы тревожно жужжат.
Льется медок золотистый...
Боже! Какой аромат!..

Возле окошка присяду,
Глядя сквозь призму веков.
Прошлое?! Вот оно – рядом...
Рядом!.. И так далеко!..

По хрустящему белому снегу

По хрустящему белому следу,
Освещенному яркой луной,
Я в деревню родную уеду,
Убегая от тьмы городской.

Подстелю ароматного сена,
Полушубок овчинный – и в путь.
В старых валенках, аж до колена,
Мне тепло и не страшно ничуть.

Брошу вожжи и навзничь прилягу,
Отрешенно взгляну в небеса.
Положусь на лошадку-беднягу,
Пусть везет седока за леса.

Белизной очаруют просторы,
Чуть дрожит на ветвях бахрома.
Расписала по насту узоры
Снежной кистью хозяйка-зима.

Будет ветром лохматиться грива,
Монотонно полозя скрипеть,
А пустые дома сиротливо
На меня молчаливо глядеть.

С колеи не собьется гнедая,
Довезет не спеша до крыльца.
По ухабам родимого края
Я проеду дорогой отца...

Две лиственницы

Две лиственницы устремились ввысь,
Разлапались и заслонили вишни.
Ветвями пышными почти слились,
А маковки взметнулись выше крыши.

Сажал отец их много лет назад,
А я – пацан, крутился под ногами.
Теперь неудержимый иглопад
Осенним утром будоражит память.

Тропа меж ними заросла быльем
И тянется к калиточке убогой.
Обруган здесь бываю вороньем
И обожжен крапивой-недотрогой.

Я вспоминаю каждый раз отца,
Стоящего под хвоей на закате;
И как он брел неспешно от крыльца
К вечерней дойке в стареньком халате.

Все как и прежде, но совсем – не то...
Сквозит кругом тревога запустенья.
Покинули птенцы свое гнездо,
И только призрак детства бродит тенью...

Постели мне, матушка, в террасе

Постели мне, матушка, в террасе,
Возле яблок собранных и слив.
Так душисты зимние припасы!..
Здесь уютно!.. Я неприхотлив!..

Ты накинь на плечи мне с любовью
Старое пальтишко или плед.
Верный пес сопит у изголовья,
Он всегда со мною много лет.

Веники из дуба и березы
Надо мной свисают с потолка.
На фруктовый пир слетелись осы
И жужжат с надрывом у виска.

Надышусь деревней на неделю,
Пропитаюсь духом старины.
Я от светлой радости хмелею,
От зовущей в детство тишины.

Ну и пусть, что на рассвете зябко,
Принеси мне, душу бередя,
Одеяльце старое в заплатках...
Мне б еще услышать шум дождя!..

Жизнь на изломе

Уезжаю!..

И жизнь на изломе...

И печаль распирает до слез!..

Остается в приземистом доме

Старушонка и старенький пес.

Суетится хозяйка излишне,

Запирая замки за собой.

Вечно ходит в потертом пальтишке,

Забывая про сон и покой.

Ты последний, но верный хранитель,

Не щадишь убывающих сил.

Никогда не оставишь обитель,

Как бы долго тебя ни просил.

Одиночество – скверная штука,

Ущемленная старостью лет.

К нам приходит однажды без стука,

Но имеет свой запах и цвет.

Позади – мимолетность событий,

Впереди – безысходность и тлен.

Сколько порвано жизненных нитей!

Сколько пройдено сложных проблем!

Пребывая в тоске и тревоге,

Буду часто теперь вспоминать

С отрешенным лицом у дороги

Одиноко стоящую мать.

Зарницы

Листвой слезится август...

Лунный свет

Упал сквозь шторы на мои страницы.

Взглянул в окно и ахнул – там зарницы

Вернули в детство...

Но теперь я сед

И незачем, и некуда стремиться.

Мне нравился заката поздний час,

Когда ловил неоновые вспышки.

Они дарили радость мне, мальчишке.

Загадывал желание под вас,

А каждый всполох – как поддержка свыше.

Растаял в дымке сливовый сезон

И старый сад с обильными плодами.

Пестрили клумбы желтыми шарами,

Но рвать бутоны было не резон,

Нас желтизна накрыла, как цунами.

Все те же облака, и та же высь,

И краешек ночного небосвода.

Чем занимался я?..

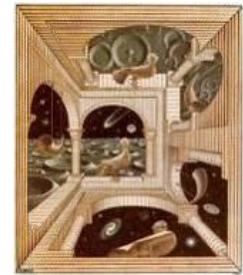
И где свобода?..

Меж вспышками зарниц прошла и жизнь,

Спрессованная в сполох эпизода...

ПОЭЗИЯ

Валерий Мазманян
(Москва)

Цветущий куст жасмина снег сыпал на траву

Что не вернуть, что поздно,
слова чужие врут,
июнь, ты помнишь, звезды –
кувшинками на пруд.

Пчела несла с поляны
пыльцу и память гроз,
и тени ветер вялый
баюкал у берез.

А ты, смеясь, кормила
двух уток на плаву,
цветущий куст жасмина
снег сыпал на траву.

И одуванчик – в небо,
сорви – и только дунь...
теперь, что хочешь требуй,
а мне верни июнь.

Гроздь увядшей сирени память весны не вернут

Дождик нагонит дремоту,
ветер разбудит кусты,
встретят протяжную ноту
аплодисменты листвы.

Мнет, забываясь, береза
мокрый платок на груди,
наши житейские грозы
вздохом сейчас не суди.
Дни ни пусты, ни безлики –
просто настройся на лад,
солнца скользящие блики
лютики в травах хранят.

Сердце покоя и лени
просит на пару минут...
Гроздь увядшей сирени
память весны не вернут.

В руках каштанов оплывали свечи

Не верилось, что чувства охладели,
рябины отцвели за две недели,
куда-то делись золотые кудри –
и одуванчик свой парик напудрил.

Метались между будущим и прошлым,
на травах яблонь цвет лежал порошей,
утиный выводок скрывала ива,
что не сбылось – всегда для всех красиво.

Что на душе – твои сказали руки,
слова страстей – порой пустые звуки,
в аллее пенились кусты сирени,
друг друга не касались наши тени.

Себя жалеть – найдется слов немало,
а к четверем за окнами светало,
в руках каштанов оплывали свечи...
И хочется вернуть любовь, а нечем.

В мае ложится на скверы белых черемух туман

Зелень дождями омыта,
голуби крошки клюют,
тихие радости быта –
книга, покой и уют.

Где-то читал или слышал –
ждите от вёсен чудес,
утром на веточках вишен
снег лепестками воскрес.

Время двулико – и дряблый
старец, и пряткий юнец,
сколько бесчисленных яблонь
оба вели под венец.

День – даже скучный и серый –
скрасит надежды обман...
В мае ложится на скверы
белых черемух туман.

И рыжий одуванчик распушил копну нечесаных волос

Встревожит память уходящих лет
крикливых чаек пересуд,
где ивы горстью золотых монет
бросают блики солнца в пруд.

Начну винить кого-то – согрешу,
не в тягость думать о пустом,
а облачко прибилось к камышу
бумажным скомканным листом.

Для уток хлеб достану – и к воде,
вспугну невольню сизаря,
не ту струну в твоей душе задел,
но встретил я тебя не зря.

Вдали от шумных улиц и машин
ни вздохов, ни житейских гроз...
И рыжий одуванчик распушил
копну нечесаных волос.

Над нашим домом флаг апреля – на синем фоне сизари

Монетку солнца ищут кряквы
на дне холодного пруда,
все обещания и клятвы
давно проверили года.

Пробилась на газонах зелень,
и талая вода сошла,
тот возраст, что назвали зрелым,
совсем не чувствует душа.

А мать-и-мачеху в овраге
рассыпал день снопами искр,
и трудно словом на бумаге
мне передать ночную мысль.

Играть с судьбой поднаторели,
а вот не спится до зари...
Над нашим домом флаг апреля –
на синем фоне сизари.

И вдалеке раскаты грома пугали веточки герани

Собрались тучи возле дома,
и сумерки стирали грани,
и вдалеке раскаты грома
пугали веточки герани.

И монотонный стук баюкал,
и память прошлого тревожил,
а дождь на ниточках, как кукол,
водил по улицам прохожих.

Молчали мы и каждый помнил –
нас не любовь, а время судит,
а на окне изломы молний
чертили нам зигзаги судеб.

Пусть наша грусть не станет мукой –
прощальные слова в прихожей...
А дождь на ниточках, как кукол,
уводит в прошлое прохожих.

Давай на грусть наложим вето

Давай на грусть наложим вето,
когда не спится до рассвета,
когда ты, в зеркало не глядя,
седые вспоминаешь пряди.

Молчание плетет интригу,
не делай вид – читаешь книгу,
печаль плетет у сердца кокон –
постой со мной у синих окон.

На город лег туман акаций,
душа зовет в нем потеряться,
а ветер вишню в белой шали,
слегка касаясь, утешает.

Поплачься, если станет легче,
а майский дождь у окон шепчет,
что за весной не осень – лето...
Давай на грусть наложим вето.

И белый иней одуванчика

Весна уже уходит в прошлое –
густой травой, на зорьке скошенной,
грозой, вишневыми метелями,
туманом яблонь и капелями.

Цветок жасминовый закружится
и льдинкой поплывет по лужице,
и белый иней одуванчика
накроет солнечного зайчика.

Шмелю, стрекозам и соцветиям
три летних месяца – столетия,
порхает бабочка капустница,
где желтый лист на снег опустится.

Прошу тебя, не надо мучиться,
что поздняя любовь – разлучница...
Поверь, спасет от неизбежности
простое слово с жестом нежности.

Шлют позывные светлячки

Прошелся дождик, и прохлада
прочь прогнала остатки сна,
а из листвы совиным взглядом
на нас уставилась луна.

Туман у изгороди виснет
большим жасминовым кустом,
ночное время – время истин
и время – строить на пустом.

Наш шепот слушает лужайка,
мы рядом, а две тени – врозь,
тебе – что не вернется, жалко,
а мне – все то, что не сбылось.

Вздохну – менять нам что-то поздно,
смеешься – рано в старички...
А из травы далеким звездам
шлют позывные светлячки.

И ручей обмывает лодыжки раки

Ничего, что раздета ольха донага,
по оврагам хоронятся нынче снега,
и сметают дожди под стволы и в кусты
потемневшую медь прошлогодней листвы.

По-хозяйски освоились в роще грачи,
и доверись сердцу в бессонной ночи,
что получится все, как себе загадал,
а за тридцать давно – разве это года.

Закрутилась быстрее времен карусель,
взбудоражено небо прилетом гусей,
и ручей обмывает лодыжки раки...
И болевшее долго уже не болит

ПОЭЗИЯ

Призеры конкурса «Путевка в жизнь»

Ольга Переверзева

Учитель мой...

*Учителю русского языка и литературы
Петровой Т. Е. посвящается*

Я пишу и читаю стихи
 Одному лишь судье и зрителю.
 Все, что доброе есть на земле,
 Посвящаю сегодня Учителю.
 Мне не нужно избитых фраз,
 Формулирую грамотно мысли,
 Ведь не зря вы учили меня
 Наполнять свои строки смыслом.
 Тот, кто знает родной язык,
 Тот, кто любит и чувствует слово,
 Мой учитель, вернись хоть на миг –
 Я хочу на урок к тебе снова.
 Вспоминаю с тоской времена,
 Где остался след вашей улыбки,
 Где еще не умела сама
 Исправлять и не делать ошибки.
 Мой учитель, наставник и друг,
 Перевернута жизни страница.
 До сих пор я принять не могу,
 Что могло это с вами случиться.
 Ход событий нельзя изменить...
 Не отправить мне в прошлое письма...
 Вы остались теперь навсегда
 В фоторамке, тетрадях и мыслях.
 Не забуду и все сберегу.
 Пока сердце в груди будет биться,
 Благодарна вам будет за все
 Ваша преданная ученица.

Софья Ипатова. Пленэр. Масло. 2023

Валентина Пшеничнова

Первый учитель

Сельское детство... Раздолье,
Сызмальства труд был знаком;
И в огородах застолие:
Ели все с грядки, тайком.
Школьные годы... С восторгом
Ждали мы первый звонок,
Первый учитель был богом,
И в тишине шел урок.
Ей же мы все доверяли:
Тайны, секреты свои,
Девочки ей подражали:
Так же носили платки.
Лишь понимаешь с годами,
Сколько любви и добра!
Щедро делилась им с нами
И находила слова.
К ней мы бежали навстречу,

Словно птенцы под крыло;
Гладила волосы, плечи –
Рук ее помню тепло.
Дети... Всегда мы шалили –
С лаской посмотрит в глаза,
Тихо нас нежно журила –
И проходила гроза.

Бант развязался – завяжет,
Нежно пригладит вихры,
Что-то смешное расскажет,
Столько добра – лишь бери.
Эти уроки бесценны –
Их вспоминала не раз,
И то тепло драгоценно:
В холод спасало подчас.

Татьяна Савсюк

Гори, костер

Читая вновь стихи любимого поэта,
Я преклоняюсь перед силой мастерства!
Тепло души и море солнечного света
Несут, казалось бы, обычные слова.
Листаю книгу. За страницу страница.
Костер, что подарил читателям Швецов,
Горит для всех, кому ночной порой не спится.
Он с каждым поделиться пламенем готов...
Огонь его для всех, озябших в этом мире,
Горит во тьме и дарит людям яркий свет.
И я горжусь, что рядом, здесь, в родной Сибири,
В поселке Ташара живет такой поэт!

Полина Ягольникова. Пленэр. Москва, масло. 2022

Светлана Селезнева

Первый учитель

Есть в жизни важный человек,
 Открывший дверь в страну иную.
 Он для меня – один навек.
 За все его благодарю я.
 Он в бесконечном мире тайн,
 Загадок сказочной вселенной
 Развеял сумрачный туман.
 Призванью оставался верным,
 Учил по жизни стойким быть,
 Прочь прогоняя грусть, ненастье,
 Сквозь бури новое творить,
 Бороться до конца за счастье.
 Как трудно ни было б, идти,
 Не зная страха поражений,
 Достоинo встретив на пути
 Досаду маленьких падений!

Быть верным Родине, отцу,
 Свою отчизну защищая.
 Подобна Господу-творцу
 Со мной всегда душа родная!
 И через много-много лет
 Дни пролетят незримо.
 Я буду помнить твой совет,
 Учитель мой любимый!
 И не забуду никогда
 Твое тепло и руки.
 От в жизни первого звонка
 До горестной разлуки.
 Ты научил меня сполна,
 Поднявши гордо веки,
 Во все тугие времена
 Быть честным человеком.

Марина Тарнопольская

Прожит год, в суете утонувший

Прожит год, в суете утонувший,
 Смело осень взошла на порог...
 И учитель, слегка отдохнувший,
 Взяв тетради, спешит на урок...
 Снова будут решаться задачи,
 Снова надо конспекты писать,
 В выходные картошку на даче
 До десятого пота копать...
 Ждать к зарплате какой-то прибавки,
 Новых книжек и ручек купить,

Анекдот рассказать для затравки,
 Щей погуще и кашу сварить...
 Жизнь бежит и бежит колесницей,
 Ни на миг не сбавляет свой ход,
 За окошком опавшие листья
 Свой веселый кружат хоровод.
 Как и листья, вновь в танце закружим,
 Чай иль кофе душистый нальем,
 Чтобы радостью наполнились души,
 Мы любимые песни споем...

Дарья Труфанова

Моряк-учитель

«В себе живое крепко береги!» –
 Мне говорили. И слова те кстати:
 Был в классе нашем ведь преподаватель,
 Преподаватель... Только без ноги.
 Никто не знал, как получилось всё,
 Да и кому то́ горе интересно?
 Подросткам боль чужая – слишком
 пресна,
 Беда чужая вряд ли их проймет.
 Он был суров к бездельникам всегда,
 Но, костыли поставив чуть в сторонку,
 Рассказывал о море – синем, звонком,
 Он был моряк, и дом его – вода.
 Но злые одноклассники мои
 Дошли до омерзительного края:
 «За четверть – три! О, как же я желаю
 Второй лишить его теперь ноги!»
 А я узнала как-то в соцсетях,
 Что потерял моряк-учитель сына,
 И что души – не больше половины,
 Они с женою – на Земле в гостях...

Удары все судьбы моряк стерпел,
 А было ведь ударов тех немало,
 Мне все равно – весь вечер я рыдала,
 Живая в классе полумертвых тел.
 Ведь школа наша для него – одно
 Спасение, в работе шанс забыться,
 Я не хочу, я не могу смириться,
 Все это – как жестокое кино...
 Учитель настоящий – это тот,
 В работу кто вникает с интересом,
 Неловко управляясь чуть с протезом,
 Учитель без ноги в наш класс идет...
 ...Да, шел он в класс... Но больше нет его,
 Матрас свернули на больничной койке,
 Но для меня остался самым стойким,
 Пусть даже был всего с одной ногой.
 А школа продолжает наша жить,
 И если попрошу о чем-то Бога,
 То одного – помог он чтоб немного
 Калек душою искренне простить.

Дарья Татарчук

Спасибо, учитель!

*Посвящается моей учительнице
 русского языка и литературы
 Лазько Татьяне Федоровне*

Спасибо, что верили в слабые строчки,
 В сырые слова и простые идеи,
 Что ставили в них запятые и точки!
 Спасибо, что дар мой во мне разглядели!
 Меня направляя рукой терпеливой,
 Дорогой тернистой идти помогали.
 Спасибо, что дали мне веру и силу,
 Наставница милая и дорогая!
 Я кланяюсь в пояс за вашу заботу,

За каждый урок, за подсказки, советы.
 Всегда удавалось придумать вам что-то,
 Чтоб серые будни наполнились светом.
 Вы лучший учитель, скажу без сомненья!
 Ведь вы мне души подарили частицу.
 Спасибо за знания и за терпенье!
 Я рада, что вашей была ученицей!

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

УМНИЦА КЕЙТ АТКИНСОН

Выступление на Круглом столе № 10 «Что такое детектив?»³

Великобритания не любит сюрпризов. Внезапное водворение Кейт Аткинсон на высшую ступень литературного пьедестала и получение Уитбредовской премии 1995 года за лучший роман стало полнейшей неожиданностью для литературных критиков и журналистов. Недоумение, недоверие... Да и к тому же информации об этой выскочке ни у кого не было. Чем заполнить отведенное под статью газетное пространство? Если только ОЧЕНЬ крупным шрифтом напечатать: «Простая домохозяйка».

Но никакой «простой домохозяйкой» Кейт не была. Почва, на которой рос и расцветал ее литературный талант, – жирный чернозем. Едва научившись читать, Кейт проглатывала все, что попадалось ей на глаза в доме родителей: энциклопедии, справочники и, конечно, художественную литературу. Любимой книгой в детстве, по признанию писательницы, была «Алиса в стране чудес», которую она перечитывала раз в неделю в возрасте с пяти до десяти лет.

Дорога в большую литературу началась в одном из лучших университетов Великобритании – Университете Данди. Магистратура по английскому языку и литературе. Дальнейшее обучение в докторантуре, где специальностью Кейт была американская история постмодернизма в историческом контексте. В своей научной работе она исследовала творчество американских писателей Дональда Бартельми, Джона Кувера и Курта Воннегута, чье влияние отчетливо прослеживается в ее романах. Диссертацию защищала на кафедре философии. Философия и литература – две дисциплины, в которых в результате Кейт прекрасно ориентируется.

Дебютный роман Кейт Аткинсон «Музей моих тайн», так неожиданно потеснивший с Олимпа грандов английской литературы, не был первой ее работой, удостоенной литературной премии. Они у Кейт уже были, правда, за рассказы. За первым романом последовали и второй, и третий. Сложные по структуре, с широким спектром стилистических приемов и философских идей, с чертами магического реализма, элементами мистификации, эти романы завоевали читательские сердца.

³ <https://www.youtube.com/watch?v=9j2zp1BmEJA>

Но мировую славу, популярность и искреннюю читательскую любовь принесла Кейт серия ее детективных романов о частном сыщике Джеконе Броуди. Пять романов, которые совсем не похожи на классические или психологические детективы. В них, конечно, присутствует частный детектив и большинство событий соприкасается с расследованием. Но если убрать детективную канву, то останутся сложные семейные истории – правдивые, запутанные, неоднозначные, трагичные, как, собственно, и сама жизнь. Кейт уделяет много внимания темам памяти и прошлого, провоцирующих героев на действие. Именно память становится катализатором событий – проявляются основные черты характера и мотивация поступков героев повествования.

Развитие сюжета в детективных романах Кейт отлично продумано и движется строго в заданном направлении. Хотя сначала читателю может показаться, что он погрузился в хаос. Один из критиков сравнил романы писательницы с матрешкой: автор все время достает новую куколку – даже, казалось бы, из самой маленькой. Но постепенно, шаг за шагом, автор подводит читателя к логичному финалу: все три тысячи деталей сложнейшего пазла находят свое место и картинка складывается.

Детективные романы Кейт Аткинсон не столько развлекают, сколько заставляют задуматься о превратностях судьбы, воле случая и силе обстоятельств. Читатель, сопереживая героям, невольно примеряет на себя чужие ситуации и проблемы: равнодушие и измены, побои и оскорбления, давление общества и собственное бессилие. Автор настолько умело пользуется лингвистическим инструментарием, так мастерски сочетает различные стилистические приемы, детально и достоверно выписывает характеры персонажей, что погруженный в текст читатель становится «со-участником» событий и практически роднится с действующими в романе лицами. Выныривая в реальность с последним предложением книги, читателю будет трудно отпустить книжных «родственников». К ним хочется вернуться. Проверено на себе.

Детектив, который хочется перечитывать, – вот это казус!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Сергей Еремеев
(Москва)

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Сначала предыстория

В самом начале второго десятилетия двадцать первого века в издательство «ИН», где я был главным редактором, позвонил мой коллега Игорь Валентинович Яковлев, он тогда работал в издательстве «РООССА». Яковлев предложил написать книгу о правилах поведения для детей дошкольного возраста. Я обещал подумать. А через некоторое время Игорь Валентинович приехал к нам в издательство «ИН». Страстный книголюб, библиофил, глубокий эрудит и просто хороший человек стал убеждать меня в необходимости появления такой книги. Я согласился. Но не торопился: было много текущей издательской работы.

Примерно через месяц Игорь Валентинович нагрянул вновь. С тем же самым. Только теперь он действовал хитрее. Привез толстую книгу о правилах поведения, выпущенную солидным издательством. Иллюстрации были симпатичные. А вот стихи... Не продолжаю, чтобы ненароком никого не обидеть.

Яковлев сыграл на тонких струнах любого автора. Говорил он примерно следующее: критиковать всегда легко. А вот вы, Сергей Васильевич, профессионал, давно вошли в списки самых издаваемых авторов детских книг России. Не тяните время, напишите так, чтобы все было интересно и полезно, весело и динамично. И детям, и взрослым! А иллюстрации к вашей рукописи создадим такие, что вы будете гордиться сотрудничеством с издательством «РООССА»!

Как в воду глядел!

Какие-то идеи и повороты в работе мне подсказала жена – композитор и педагог Марина Владимировна Еремеева. Поэтому книга вышла в соавторстве. Под предложенным мною названием: «Школа поведения всем на загляденье. Этикет для малышей».

Через несколько лет незнакомые люди со всех уголков нашей страны на праздновании дня рождения компании «РООССА», где нас наградили ценным подарком за создание детского бестселлера издательства, подходили к нам с Мариной и, не сговариваясь, благодарили и говорили столько доброго, что я подумал: как хорошо, что не отказался тогда от предложения Игоря Яковлева! В тот памятный вечер торжествовала и наш редактор Олеся Ласточкина, тогда еще Кравченко.

А самыми приятными были признания: мы с сыном (дочерью, внуком, внучкой) знаем все стихи из вашей книги наизусть!

Ниже несколько моих стихотворений из книги «Школа поведения всем на загляденье. Этикет для малышей»

Школа поведения

На свете есть школа такая простая:
 В ней можно учиться, страниц не листая!
 Любому в той школе полезно учиться,
 И каждый в ней может легко отличиться!

Известная школа, но адреса нету:
 Она занимает всю нашу планету!
 Здесь места хватает и папам, и мамам,
 Чтоб с нами учиться по добрым программам!

Школа поведения
 Всем на загляденье!

Волшебный этикет

Гадал я долго: ЭТИКЕТ –
 Такая этикетка?
 Или обёртка от конфет?
 А может быть, конфетка?

Зато теперь сомнений нет:
 Он не простая штука!
 Я точно знаю: ЭТИКЕТ –
 Волшебная наука!

Что такое ЭТИКЕТ?
 Я сейчас даю ответ:
 Это правила такие,
 Надо знать их с малых лет!

Что сказать, когда войти,
 Как в гостях себя вести,
 Что с волшебными словами
 Делать дома и в пути.

Если вежливыми слыть
 И воспитанными быть,
 То всегда и всюду станут
 Уважать вас и любить!

Манеры и примеры

Читала свинка лекцию
 «Хорошие манеры».
 И приводила разные
 Полезные примеры.
 Как надо брать салфетку,
 Как надо есть конфетку,
 Кому, в каком краю
 И как сказать «сэнк ю».

Затем не понарошку
 На стол сложила ножки.
 Чтоб все полюбовались
 На новые сапожки.

Потом свинья зевнула.
 Икнула. И чихнула.
 Вот так свою работу
 Сама перечеркнула!

Зачем учить других манерам,
 Когда не можешь быть примером?

Зайка-спортсмен

Жил да был в большом лесу
Зайка-попрыгайка.
Не боялся он лису
Этот смелый зайка!

Штанга в норке у него –
Прямо у постели.
Но ему милей всего
Гири и гантели!

Зайка весело лупил
По боксёрским грушам,
А потом стоять любил
Под холодным душем!

Он любил ходить пешком,
Бегать, прыгать с толком!
И однажды вечером
Повстречался с волком!

Хилый волк напуган был
Необыкновенно!
И тропинку уступил
Зайчику-спортсмену!

Если хочешь сильным быть.
Волка не бояться,
Значит, надо спорт любить,
Спортом заниматься!

Зря обиделся

Вот сынок пришёл и хнычет,
Что его грязнулей кличут.
– Если бы грязнулей был,
Разве бы я руки мыл?
– Где ж ты руки вымыть смог?
– В луже! – выпалил сынок.
– Ай-ай-ай, сынуля!
Ты и впрямь грязнуля!

Котята

Кошка сыну моет спинку,
Моет шейку и бочок.
И мелькает, как малинка,
Розоватый язычок!

А сынок похож на маму:
Огонёк в глазах горит!
Только «мяу», только «мяу»
Тоньше мамы говорит.

Подошла к нему сестрёнка,
И другая подошла.
И сказали «мяу?» звонко!
Это значит: «Как дела?»

«Мяу!» – он ответил внятно.
«Мяу!» – он сказал опять:
«Мама моет, мне приятно,
Так приятно чистым стать!»

Говорит одна сестрица
«Мяу!» братцу своему.
Это значит: «Надо мыться,
Надо мыться самому!»

Таблетки – не конфетки!

В домашней аптечке цветные таблетки
Похожи порой на цветные конфетки.
Но детям должно быть понятно и ясно,
Что пробовать эти таблетки опасно!
Любая таблетка – лекарство и яд,
И это не тайна для умных ребят!

Маленькая Люда и большая посуда

Стаканы и чашки
 Я мою сама!
 Занятие это
 Не сводит с ума.

Но если тарелки
 И ложки – горой,
 Мне хочется стать...
 Своей старшей сестрой!

И надо, конечно же,
 Мамою быть,
 Чтоб очень легко
 Сковородку помыть!

А бабушка мне
 Наставленья даёт:
 – Терпение есть,
 А уменье придёт!

...Котёнок из блюдца
 Лакал молоко.
 И блюдце я тоже
 Помыла легко!

Что без спроса брать нельзя

Знают дети всей планеты,
 Наши юные друзья:
 Есть опасные предметы,
 Их без спроса брать нельзя!

Всем разумным детям ясно,
 ЧТО для маленьких опасно.

НОЖ без спроса не возьмёшь:
 Не игрушка острый нож!

ВИЛКИ острые, похоже,
 Брать в игру не надо тоже!

Да и НОЖНИЦЫ остры –
 И они не для игры!

Пусть в игольнице на полке
 Рядом с ШИЛОМ спят ИГОЛКИ!

С тем, что мы сейчас назвали,
 Дети справятся едва ли.

Про окна и балкон

Если ты один в квартире,
 А на улице светло,
 То смотри на всё, что в мире,
 Сквозь оконное стекло.

Есть разумные запреты,
 Всем понятные вполне:
 Ты не трогай шпингалеты
 Или ручки на окне!

Лучше с книжкой посидеть.
 Все картинки разглядеть.

Есть один простой закон:
 Для детей закрыт балкон!
 Вы закону доверяйте.
 Соблюдайте. Повторяйте,
 Что без взрослых на балкон
 Детям выход запрещён!

Когда остаётесь в квартире одни

Кто может представить, что может случиться
 В квартире, где только мартышки живут?
 Их маме и папе пришлось отлучиться,
 Уйти ненадолго – на десять минут.

Остались детишки в квартире одни
 И стали скакать по квартире они!
 Скакать надоело – решили кричать.
 Кричать надоело – решили стучать!

Мартышки сначала по трубам стучали,
 Потом они люстру в момент раскачали.
 Но люстра никак не заменит качели,
 Осколки её по углам полетели!

Тут снизу на шум прибежали соседи,
 И в дверь позвонили соседи-медведи:

– Скажите, пожалуйста, что здесь случилось,
 Неужто какая беда приключилась?
 И, если вам срочная помощь нужна,
 Немедля оказана будет она!

Мартышки притихли. Потом встрепенулись,
 Поскольку домой папа с мамой вернулись!
 Медведи ушли. А родители тут.
 Они объяснений от деточек ждут.

А детки-мартышки стоят и молчат,
 Уже не стучат и уже не кричат...

Я знаю, девчонки, я знаю, мальчишки,
 Что вы не такие, как эти мартышки!
 Что вы, оставаясь в квартире одни,
 Себя никогда не вели, как они!

Упрямый козлик

Почему-то здесь трава
 Пробивается едва.
 А за речкой – высокая,
 Только речка глубока!

Козлик выставил бородку:
 – Не хочу садиться в лодку!
 Речку сам переплыву
 И за речкой съем траву!

– Козлик! Ты, не зная броду,
 Никогда не суйся в воду!
 Не послушал он овечку
 И помчался прямо в речку!

Омут может затянуть –
 Глупый козлик стал тонуть!
 Увидали два бобра,
 Что спасать его пора!

Два бобра успеть смогли,
 Два бобра его спасли!
 А не будь вблизи бобров,
 Он бы не был жив-здоров!

На воде шутить опасно!

Должен правильный запрет
 В памяти остаться:
 Если рядом взрослых нет,
 То нельзя купаться!
 Это вовсе не совет,
 Это правильный запрет!

А ещё должно быть ясно
 Всем, кто плещется в воде,
 На воде шутить опасно,
 Так опасно, как нигде!

Может озорство в воде
 Привести пловцов к беде.
 Кто не хочет быть на дне,
 Не шалит на глубине!

Волк и семеро козлят

Жила коза на свете,
С ней – семеро козлят.
Порой шалили дети,
Как дети все шалят.

Козлята не упрямы:
Коза учила их,
Как все на свете мамы
Родных детей своих.

И было всё в порядке,
В учении был толк.
– Откройте мне, козлятки! –
Просил их серый волк.

Козлята, глядя в щёлку,
Не открывали волку.
Коза хвалила их –
Смышлёных семерых.

Однажды голос тонкий
Волк выковать решил
И тайною сторонкой
Он в кузню поспешил!

Обсыпавшись мукою,
Волк тонким голоском
Заблеял: – Молоко я
Несу, козлятки, в дом.

Дверь заскрипела звонко,
И волк их проглотил!
Лишь одного козлёнка
Волчище упустил.

Тут мама воротилась,
Козлёнок – сразу к ней!
Она, в слезах, пустилась
Спасать своих детей!

В лесу костёр сложила
И волку предложила:
– Ты, правда, лих и скор?
Скачи через костёр!

Да только волк пузатый
Не одолел костра!
И вырвались козлята
Из волчьего нутра!

Всё кончилось как надо,
Чтоб дальше жить умней!
Коза козлятам рада.
Козлята рады ей!

Хотя они, как дети,
Резвятся и шалят,
Впредь никому на свете
Не обмануть козлят!

Не пейте воду из реки и озера

И барашки, и овечки
Могут воду пить из речки.
Быстроногий конь в узде
Тоже может пить везде.

Пусть из речки пьют коровы,
Всё равно они здоровы!
Пусть из речки свинки пьют,
Козы пусть напьются тут.

Гуси, утки, индюки
Пьют спокойно из реки.
Но запомните, друзья:
Нам из речки пить нельзя!

Воду врач берёт на пробы
И находит в ней микробы.
В микроскоп они видны,
Для людей они вредны.

Есть родник невдалеке,
Нет микробов в роднике.
Мы попьём воды хрустальной,
Для здоровья идеальной.

Пусть из речки пьют овечки,
Нам не надо пить из речки!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Сергей Круглов (Серодив)

(г. Геническ, Херсонская область)

ЗАГОВОР ДВУХ ПОПУГАЕВ

Синей бескрайностью раскинулось море Волноград. Над ним, в высоком безоблачном небе, летела белая птица в голубой фуражке. Это был известный на весь Чудаковатый Мир альбатрос Тудыкин, который по своей давней привычке искал своего брата Сюдыкина:

– И куда это он подевался? Может, он полетел туда? А может, туда? Нет, он точно полетел ту...

Но договорить альбатрос так и не успел: его неожиданно накрыла волна. Причиной неожиданного душа был немалый резиновый корабль, который в этот момент, словно кенгуру, высокими прыжками мчался по морю. Да, да, вам не послышалось: не плыл, не шел и даже не летел, а именно прыгал.

А на палубе такого необычного судна сидел маленький, рыжебородый, с красным носом и в красном пиратском костюме человечек по имени Сарк. Это и был владелец чудаковатого транспорта, которому он и сам был уже не рад.

– Да чтоб я... Ой! – восклицал Сарк, неудачно опускаясь после очередного прыжка корабля. – Хотя бы раз... Ух! Что-то приобрел... Ай! У Мистера Лиса... Ох!

Только вот наконец впереди завиднелся остров. Но корабль почему-то решил не сбавлять скорости, поэтому вместо того, чтобы остановиться у его берега, он запрыгнул на сам остров, зарывшись кормой в песок. Такой маневр оказался неудачным для низкорослого пирата: от внезапной остановки Сарк взлетел с палубы и упал на самую верхушку пальмы.

– Ненавижу технику! – крикнул он, падая с высокого дерева. Потом подошел к кораблю и достал из внутреннего кармана серый пульт с двумя кнопками: одна для включения, а другая – для выключения. – Кто придумал такой сложный пульт? Неужели не достаточно было одной кнопки?

Сарк навел пульт на вездеход (а именно так назывался тот прыгающий корабль) и нажал по очереди на обе кнопки, но ничего не произошло. Тогда пират-неудачник слишком сильно ударил ногой о борт судна, отчего то начало быстро сворачиваться. В этот момент из корабля вылетел испуганный красный попугай. На его голове красовалась зеленая бандана, на шее – зеленый галстук-бабочка, а ноги были обуты в маленькие сапоги.

– Так вот где ты спрятался, Эйты, – сказал пират и поднял с песка то, что недавно было прыгучим кораблем: маленький кубик с надписью «Вездеход Мистера Лиса». – Только взгляни, Эйты: именно на этом острове находятся сокровища, которые я уже совсем скоро найду и тогда... Тихо! Ты слышишь это?

Красноносый человечек обернулся: на другой берег острова запрыгнул еще один резиновый корабль. С него, подобно Сарку, полетел на соседнюю пальму маленький пират. У него была рыжая борода, зеленый нос и такого же цвета костюм. Вслед за вновь прибывшим

мужчиной с корабля вылетел зеленый попугай в красной бандане, с красным галстуком-бабочкой и с маленькими сапожками на ногах.

– Только не это, – заныл Сарк и с насупленным видом пошел навстречу зеленоносому пирату.

– О мой маленький брат, – спрыгнув с дерева, сладко пропел человечек в зеленом костюме.

– Лез, не смей меня так называть! – красноносый пират грозно выставил в сторону старшего брата указательный палец. – И не забывай, что я не такой и маленький: ты старше меня всего на три минуты!

– Говоря, что ты маленький, я имел в виду не только возраст, но и рост. – С улыбкой Лез снял шляпу, с гордостью показав брату рыжую чуприну. – Надеюсь, ты уже понял, что я со своей замечательной чуприной выше тебя и твоей лысины. Хотя тебе следует привыкнуть к тому, что я лучше тебя в сто раз.

– Это неправда! – во все горло заорал Сарк.

– И в самом деле: я лучше тебя в сто и один раз. Вот скажи, как зовут твоего попугая?

– Эйты, – удивленно ответил младший брат. – А что тут такого?

– Что тут такого? Ха, да это же самое примитивное имя, которое можно было выдумать! Лучше посмотри на моего красавца. Вот у него и впрямь замечательное имя: Кактебятам. Вот это я понимаю имя так имя. – Довольный своей речью, Лез нагло показал Сарку язык.

– Ах так? А зато я... Да у меня... – завопил пират в красном костюме. – Зато у меня нет такого ужасного, похожего на огурец носа, как у тебя!

– Что? – возмутился в свою очередь Лез. – Да он лучше, чем твой здоровенный нос-помидор!

– Что?..

Еще некоторое время – часа три, а может, и четыре – братья стояли на одном месте, то хвастаясь своими приукрашенными достоинствами, то обзывая друг друга неприятными словами. Наконец пираты замолчали и разошлись в противоположные стороны острова. И никто не вспомнил о попугаях, сидевших на пальме и о чем-то перешептывающихся...

Почти весь остаток дня прошел в приятной тишине. Только иногда кое-где можно было услышать мягкие шаги по песку, шорох крыльев и динамичный стук лопат. Но наступил вечер и по острову снова разлетелись разъяренные голоса братьев-пиратов.

– Так вот ты какой! – закричал первым Лез. – Это же как надо меня ненавидеть, чтобы вырыть яму – с надеждой, что я туда попаду. Еще и красной тканью накрыл, чтобы самому туда не попасть. Но ты не учел, что я лучше тебя в сто и один раз, так что мне с легкостью удалось разгадать твой примитивный коварный план.

– Примитивный план? – заорал Сарк. – А кто вырыл для меня яму и накрыл ее зеленой тканью? Так что и я с легкостью разгадал план такого ненастоящего гения, как ты.

– Это я-то ненастоящий гений? Я?

– А кто же еще, огуречноносый?

В этот момент братья набросились друг на друга, чтобы кулаками доказать, кто из них лучший. Они так увлеклись, что не заметили, как наступили на красно-зеленую ткань, под

которой спряталась коварная яма. На ее дне братья нашли записку: «Посидите здесь и подумайте над поведением. Вернемся через час и, если вы помиритесь, освободим вас из нашей ямы-сюрприза. Ваши друзья, Кактебятam и Эйты».

И в самом деле ровно через час к яме подлетели оба попугая. Сильно волнуясь, они заглянули в ловушку. Их хозяйка, в разорванных и грязных пиратских костюмах, сидела, на дне ямы и пела сложную песню – единственную, которую они сумели выучить за свою жизнь:

Ох-ох-ох, я – пират!
 Ух-ух-ух, ты – пират!
 Значит, мы – пираты,
 И этому мы рады!

Да, зрелище на самом деле удивительное: впервые за много лет братья-пираты помирились.

– Извини меня, брат, – ласково говорил Лез, когда попугаи вытащили рыжебородых человечков из ямы. – Я не хотел называть тебя помидороносим.

– И ты меня, дружище, извини, – отвечал Сарк. – А твой нос совсем не похож на огурец.

– Я знаю. И ты меня еще раз извини за...

Лез вдруг замер, сосредоточенно вглядываясь во что-то за спиной брата. Сарк обернулся и тоже застыл: на песчаном берегу стояла большой почерневший сундук.

– Мое! – одновременно воскликнули братья и бросились к находке.

Вцепившись обеими руками в сундук, пираты начали перетягивать его каждый в свою сторону, в результате чего металлическая находка порвалась пополам, как бумага. А внутри сундука братья нашли записку: «Приветствуем вас, кладоискатели! Вы прошли первый уровень, и вам остается еще каких-то девять уровней, чтобы достичь настоящих сокровищ! P. S. Оцените услуги компании, позвонив по номеру 001, если вам “Очень нравится наша игра”, или по номеру 002, если вам “Просто нравится наша игра”».

– Я первый доберусь до следующего острова! – снова в один голос выкрикнули пираты и помчались к вездеходам, в который раз забыв о своих помощниках. Не прошло и минуты, как по синему морю Волнограю наперегонки прыгали два резиновых корабля.

– Ну что, Кактебятam? – первым молвил красный попугай. – Полетим вслед за ними?

– У меня есть идея получше. – Улыбающийся зеленый попугай легонько толкнул пальму. С нее на песок довольно удачно упала большая корзина с вкусностями. – Пока они делали ловушки, я забрал это у Леза, оставив ему только овсяную кашу. Устроим пикник?

– Знаешь что, Кактебятam? – Эйты тоже легонько стукнул по другой пальме, и с нее упала похожая корзина. – Я поступил со своим хозяином точь-в-точь как ты. Пусть теперь эти двое сварливых братьев едят свою невкусную кашу. Может, хоть это их примирит.

– Вряд ли. А пока пикник двух умных попугаев считаю открытым!

Две птички преспокойно сидели на маленьком острове, смакуя вкусности своих хозяев, время от времени беседуя на разнообразные птичьи темы. В этот момент над ними, в бескрайнем чистом небе, летел альбатрос в зеленой фуражке Сюдыкин. По своей старой привычке он искал своего брата Тудыкина:

– Куда же это он девался? Может, он полетел сюда? А может, сюда? Нет, он точно полетел сюда...

КОШАЧЬЯ РОМАНТИКА

У самого берега моря, на бледно голубых волнах, тихо и мирно качался огромный резиновый корабль. Пожалуй, если бы у него была душа, то он непременно сию же минуту отправился бы в далекое и веселое путешествие.

Хотя... Нет, ничего бы у корабля не получилось. Ведь он был крепко пришвартован к берегу металлической цепью. К тому же надежно охранялся своим владельцем – низкорослым пиратом со странноватым именем Сарк.

Чтобы описать этого невысокого пирата, достаточно назвать три вещи. Во-первых, красный, как его костюм, и круглый, словно спелый помидор, нос. Во-вторых, густая рыжая борода. А в-третьих – его несносный характер. Дело в том, что Сарк всегда был злым и на всех обиженным. Вот и сейчас он недовольно ходил по берегу, с нетерпением ожидая покупателя своего вездехода. Вездеходом назывался тот самый огромный резиновый корабль, который с помощью пульта мог превратиться в автомобиль, вертолет и даже в ракету или еще какой-то транспорт. Зачем же Сарку продавать такой замечательный аппарат? А затем, что у вездехода был некоторый дефект.

Какой именно? Об этом, друзья, вы узнаете (а точнее – вспомните) немного позже.

Итак, топтался по берегу Сарк, топтался... И вдруг в тот момент, когда уже думал развернуться и пойти домой, он увидел кое-что подозрительное: к нему, будто живая лента, приближалось что-то длинное и зеленое.

– Змея! – испугался Сарк и потянулся за саблей. Но тут же вспомнил, что никогда сабли-то не имел (были деревянные, которые постоянно ломал старший брат Лез, но это не в счет). Сообразив, что опасность близко, а защищаться нечем, пират поступил максимально храбро – с перепугу упал на землю и закрыл лицо руками.

Но, как оказалось, к нему приближалась вовсе не змея, а зеленый кот Сосискин. Его тело и в самом деле было очень длинным. Поэтому, когда он ходил на своих четырех коротеньких лапках, то вполне напоминал настоящую змею.

– Здравствуйте, господин Сарк! – радостно воскликнул Сосискин. Потом, словно пружину, скрутил свое худое тело в спираль и встал на задние лапы. – Ну что, еще продаете вездеход?

– А, так вы мой клиент? – понял наконец пират, поднимаясь на ноги. – А я тут, понимаете, решил землю осмотреть: вдруг кто-то монету уронил.

– Ну да, да, – закивал Сосискин. – Так что насчет вездехода? Продаете?

– Да, продаю. Давайте пятьдесят улыбочивых монет – и вездеход ваш.

– Пятьдесят?! В рекламе же было написано сорок.

– Уважаемый клиент, вы же знаете, как нынче много проблем: инфляция, курс валют меняется, такое-сякое...

– Ах да, да... – закивал зеленый кот, хотя на самом деле из всего услышанного понял только «такое-сякое». Помня, что времени мало, Сосискин протянул Сарку обещанные монеты.

– А как же пользоваться этим кораблем?

– Да очень легко! Он же у меня топнутый.

– Какой-какой?

– Топнутый. Вот залезьте на него, топните лапой по палубе – и он как запы... Кхм, то есть, как поплывет по волнам морским. А захотите его остановить – снова топните по палубе. Понятно?

– Вроде бы... – неуверенно произнес Сосискин. Возможно, он задал бы хитрецу еще несколько вопросов, но Сарк уже удрал вместе с заработанными деньгами. Не теряя времени

даром, зеленый кот помчался домой. Взял сундуки, в которые еще утром положил все необходимое для романтической прогулки, и перетащил их на странноватый резиновый корабль.

Итак, пока Сосискин будет украшать вездеход, я вам, друзья, кое-что расскажу. Дело в том, что он влюбился в Крикуху. Это такая хорошенькая желтенькая кошечка с розовыми полосками на шкурке. Хорошенькая, только немного крикливая... В общем, начитавшись журналов, которые выписывал его младший брат, мопс по имени

Тяфкало, зеленый кот решил устроить для возлюбленной настоящую романтическую прогулку. Выйдет ли у него это? Давайте посмотрим.

Когда Сосискин уже заканчивал украшать палубу, к кораблю подошла Крикуха.

– Эй, Сосискин! – крикнула она так, что вездеход покачнулся.

– Тише, пожалуйста, тише, – попросил длиннотелый кот. – Я здесь, на корабле. Ты тоже поднимайся сюда.

– Сосискин, неужели это твой корабль? – удивилась кошечка, поднимаясь на палубу. – Как он хорош!

– Более того: именно на этом корабле мы сейчас отправимся в романтическое путешествие! Но сначала давай попробуем не менее романтический ужин. Или завтрак? Ай, впрочем, какая разница!

Скрученный в пружину кот учтиво, словно настоящий джентльмен, подвел Крикуху к застеленному белой скатертью столику. На нем стояла огромная металлическая тарелка, которую, как купол, накрывала здоровенная серебристая крышка.

– Вуаля! – крикнул Сосискин и поднял крышку. А под ней же оказалось целая горка сахарных... косточек. – Как тебе, Крикуха? Нравится?

– Не-е-ет! – недовольно крикнула кошечка. От невероятной силы ее крика зеленый кот вместе со столиком и романтическим ужином (или завтраком) полетел за борт.

– Почему это ей не понравилось? – удивлялся Сосискин, возвращаясь на корабль. – Об этом же было сказано в журнале Тяфкалы! А, вероятно, потому, что косточки были надкушены. Конечно, как я сразу об этом не догадался! Кстати, кто их уже попробовал? Ай, потом узнаю. Надо пока ситуацию исправить.

Оказавшись на палубе, скрученный в пружину кот решил удивить Крикуху еще одним подарком. В этот раз сюрпризом стал шоколадный торт. Точнее сказать – огромный торт в виде собачей будки.

– Ну как? – взволнованно спросил Сосискин. – Взгляни: такой большой и вкусный торт. Разве он не красавец?

– Не-е-ет! – в очередной раз выкрикнула кошечка, снова силой крика отправив зеленого кота за борт.

«Если Крикуха будет так реагировать на каждый мой подарок, то я скоро превращусь из сухопутного кота в какую-то амфибию, – печально подумал Сосискин, вновь вылезая из моря в

свой резиновый корабль. – Нет, что-то с этими журналами Тяфкалы не так. Может, у них срок годности истек? Ай, с этим потом разберусь. А пока – отложу все свои сюрпризы на потом и начну уже романтическое путешествие. На ходу же Крикуха не сбросит меня в море. Или сбросит? Размышлять некогда. Судя по недовольному лицу кошечки, она готова в любой момент закричать так, что несчастный вездеход может запросто лопнуть. Так что действовать нужно быстро и решительно».

– Что ж, я уже понял, что тебе не очень понравились мои подарки, – признал свою ошибку скрученный в пружину кот. – Поэтому я предлагаю тебе то, что не может не понравиться – незабываемое путешествие на корабле!

Сосискин топнул лапой по палубе, после чего огромный резиновый вездеход задрожал и... запрыгал по голубым волнам моря. Да, друзья, вам не послышалось: не поплыл, не поехал и даже не полетел, а именно попрыгал по воде, словно гигантский кенгуру. Именно из-за этого дефекта Сарк и решил продать свой любимый (и, кстати, единственный) вездеход.

– Да... Ой!.. Сосискин... Ай!.. Это путешествие... Ох!.. Я точно... Уй!.. Не забуду! – недовольно приговаривала Крикуха, подпрыгивая вместе с кораблем и ахая каждый раз, когда тот снова опускался.

– Прости... Ой! Я и не знал... Уй! Что он... Ух! Такой прыгучий... Ох! – оправдывался зеленый кот, тоже прыгая по палубе.

Вдруг из кают выпрыгнули ящики – те самые, в которых Сосискин приберегал сюрпризы. В какой-то момент один из сундуков открылся и из него вылетел... мопс. Правый глаз этого маленького песика был полностью белым, а левый – абсолютно черным. Еще одной особенностью неожиданного пассажира было то, что он говорил только одно слово: «Тяф!». Впрочем, скрученный в пружину кот прекрасно понимал, что он говорит. Почему? А потому, что это был родной брат Сосискина – мопсик Тяфкало.

– Что ты... Ой! Здесь делаешь? – крикнул зеленый кот.

– Тяф! – отвечал Тяфкало. В данной ситуации это означало: «Я хотел идти с тобой, но ты меня не пустил. Вот и пришлось спрятаться в один из твоих сундуков, чтобы незаметно пробраться на корабль».

– Но я ж... Уй!.. Приказал тебе... ой!.. Остаться дома! – продолжал сердиться Сосискин.

– Тяф! – снова тяфкнул мопс. На этот раз это означало следующее: «Прости меня, пожалуйста. Я больше не буду так себя вести. По крайней мере, постараюсь».

В этот момент в разговор братьев вмешалась Крикуха:

– Может быть, ты... Ой! Сосискин... Уй! Лучше... Ай! Остановишь... Ох! Корабль?

«Точно! И чего же я жду?» – подумал скрученный в пружину кот и изо всех сил топнул лапой по палубе. После этого корабль внезапно остановился. Настолько внезапно, что Сосискин даже не успел ни за что ухватиться и снова улетел за борт. В этот момент рядом с ним появилась яростная и голодная акула с большим шрамом у правого глаза.

– Спа-а-а-аси-и-ите-е-е! – визжал зеленый кот, плавая вокруг резинового корабля. А за ним неустанно плыла акула, угрожающе хлопая острыми, почему-то загнутыми внутрь зубами.

– НЕ ТРО-ГАЙ Е-ГО! – изо всех сил закричала на нее Крикуха.

Крик хорошенькой кошечки был такой силы, что бедного Сосискина вместе с хищной акулой забросило далеко-далеко, на безлюдный остров. Остров был настолько маленьким, что на нем не уместился бы и карликовый слоненок. И даже из растений здесь была лишь одна высокая, с широкими зелеными листьями пальма. Именно на нее и забросило несчастного зеленого кота. А что же подлая акула? Ученые утверждают, что эти хищники не могут долго жить без воды. И это так: в нормальном мире такие зубастые создания только и делают, что плавают в морях и океанах, охотясь на мелких рыбок. Но в Чудаковом Мире существуют

некоторые редкие виды, которые с удовольствием прыгают по песку, чтобы догнать свою жертву. Сосискину «повезло»...

Целый час скрученный в пружину кот просидел на пальме, вокруг которой непрерывно продолжала прыгать неугомонная акула. И только через час к маленькому острову подплыл (именно подплыл, а не припрыгал!) резиновый вездеход. Увидев на его борту кошечку в желто-розовую полоску, акула испуганно спрыгнула с острова обратно в море: зубастая обжора совсем не хотела снова полетать.

– Слезай, трус несчастный, – тихонько (насколько это возможно для Крикухи) произнесла полосатая кошечка. – Или тебе, Сарделькин, особое приглашение нужно?

– Я, вообще-то, Сосискин, – обиженно пробормотал зеленый кот, забираясь на корабль.

– Да хоть Колбаскин, – засмеялись Крикуха. – Если бы не мы с Тяфкалом, ты бы вообще был Акульичьим-Завтракиным. Ведь это именно твой брат сумел сделать так, чтобы твой странный вездеход не прыгал, как бешеный заяц, а плыл, будто обычный корабль. А ты даже спасибо не сказал.

– Спасибо, – буркнул кот и, свернувшись в еще более тугую пружину, пошел в каюту. Там он и просидел все то время, пока вездеход плыл обратно.

«Что же я натворил? – грустно размышлял Сосискин, сидя в маленькой каюте. – Вроде бы ничего плохого не хотел. Только провести романтическое путешествие вместе с любимой кошечкой. А что вышло? Брата обидел, перед Крикухой опозорился... Эх, плохой из меня романтик, ужасный из меня брат...»

Когда резиновый корабль наконец пристал к берегу и все пассажиры из него вышли, зеленый кот обратился к друзьям с короткой речью:

– Простите меня, пожалуйста! Я теперь понимаю, что был не прав. И тебя, Крикуха, обидел. И тебя, Тяфкало, тоже...

– Не огорчайся так, Колбаскин, – проговорила полосатая кошечка. – Мы и так тебя простили. Да, Тяфкало?

– Тяф! – весело кивнул Тяфкало. На этот раз это означало: «Конечно, не обижаюсь! Мы же все-таки братья. А братья должны друг другу помогать. Не так ли?»

– Что ж... – продолжила Крикуха. – Теперь сделаем так: мы с Тяфкалом поищем какое-нибудь кафе, а ты, Сарделькин, убери куда-нибудь этот вездеход. Только теперь без всякой романтики: сегодняшних впечатлений мне на все девять кошачьих жизней хватит. Договорились?

– Угу, – застенчиво отвечал скрученный в пружину кот. «Неужели мое имя настолько сложное, что его так трудно запомнить? – подумал Сосискин, глядя, как полосатая кошечка вместе с его братом дружески шли искать кафе. – Может, она так подшучивает надо мной? Разве не хватит уже обижаться за неудачное путешествие? Ай, потом разберусь с этими пустяками. Сейчас нужно разобраться с гораздо большей проблемой – куда девать никому не нужный резиновый корабль?»

Внезапно за спиной зеленого кота послышалось протяжное «кхм-кхм!». Сосискин обернулся: перед ним стоял красноносый пират Сарк. Да, тот самый рыжебородый хитрюга, который сегодня утром продал свой ненормальный вездеход скрученному в пружину романтику.

Посверкивая глазами, он посмотрел на зеленого кота и уверенно произнес:

– Что, хотите продать корабль?

– Да! – воскликнул Сосискин и радостно протянул лапу.

– Покупаю! – не менее бодро выкрикнул Сарк и положил на лапу кота... десять улыбочивых монет.

– Почему десять? Я ведь покупал за пятьдесят!

– Вы же знаете, как сейчас много проблем: инфляция, курс валют меняется, такое-сякое...

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

– Подождите, подождите... – удивленно забормотал зеленый кот. – Вы то же самое говорили тогда, когда повысили цену до пятидесяти монет.

– Так я же тогда продавал корабль, а теперь покупаю. А это две большие разницы. Ну так что? Продаете вездеход за десять улыбчивых монет? Предупреждаю: через минуту я куплю этот корабль не дороже чем за восемь монет.

Загрустив, скрученный в пружину кот взял несчастные десять монет и пошел вслед за Крикухой и Тяфкалом. «Ох уж этот пират! Обманул так обманул. Ну ничего, Сарк, ты свое получишь. Вот если бы ты по-честному купил вездеход, то я бы попросил своего брата объяснить, как правильно пользоваться кораблем. А так – нет, ничего не скажу. И будешь ты, красноносый хитрюга, прыгать на нем, как верхом на гигантском кенгуру. Круто я ему отомстил! Ха-ха!»

Да, если романтика из Сосискина не вышло, то мститель – вполне удался.

Не так ли, друзья?

Екатерина Ключкова. Ярмарка в Мышкине. Бумага, акварель. 2023

ГАЛЕРЕЯ BazART

Наши выставки. КЦ «Внуково-МВТ», ул. Ленина, 23

Художник Екатерина Клочкова и ее ученики.
Обзор

ДВЕ ОСЕННИЕ ВЫСТАВКИ на тему ПЛЕНЭР

В теплые осенние месяцы – сентябрь и октябрь – в «Галерее» BazART прошли сразу две запоминающиеся и насыщенные выставки на тему пленэра – опытного художника и преподавателя Екатерины Клочковой («ПЛЕНЭР – источник вдохновения», с 14.10.23) и ее талантливых учеников: Анны Седовой, Даниила Арбузова, Софьи Ипатовой и Полины Ягольниковой («ПЛЕНЭР», 16.09.23).

В настоящее время ребята учатся на 3 курсе художественного отделения Колледжа музыкально-театрального искусства имени Г. П. Вишневской, где реализуются различные образовательные программы и, в частности, программы по направлениям «Живопись» и «Театрально-декоративное искусство». Именно здесь преподает Екатерина Клочкова, с творчеством которой мы уже хорошо знакомы.

С сентябрьской выставки молодых художников мы начали разговор об одном из важнейших этапов творческого пути художника – о пленэре. «Это очень важный этап работы, – говорит Екатерина Клочкова. – Когда художник творит на пленэре, он очищает свою палитру, впечатляется новыми красками и видами. Все это идет в копилку мастерства художника, копилку насмотренности, вскрывает душевный потенциал мастера».

Работы молодых художников были написаны в ходе практики после второго учебного года. Живопись, рисунки, наброски были представлены самые разные и по технике, и по многообразию тем, что явилось яркой отличительной чертой и главной ценностью сентябрьской экспозиции.

А в октябре посетители галереи увидели результаты работы на пленэре и самой Екатерины Клочковой – ее новые большие красочные полотна.

Познакомиться с некоторыми картинами двух выставок вы сможете на страницах текущего номера «Московского BAZARa», а также по ссылкам

<http://www.youtube.com/watch?v=999hKY8vLzY>

http://www.youtube.com/watch?v=Ky_AHsZQHJg

где на ютуб-канале «Моссалит BAZART» представлены более полные видеообзоры.

Пленэр – от французского en plein air, т.е. «на открытом воздухе». Этот термин обозначает изображение на картине всего богатства изменений цвета, обусловленных воздействием солнечного света и окружающей атмосферы. Пленэрная живопись подразумевает создание картин не в мастерской, а на природе, которая служит основой постижения природы в ее естественном освещении.

Краски художники обычно изготовляли сами в своих мастерских, но благодаря практике пленэра краски стали выпускать для удобства в тубах (тюбиках). Также для переноски художественных принадлежностей и картин художники стали изобретать более удобные и компактные способы, так появились первые этюдники на ремнях для занятий живописью.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Анастасия Милютина
(Москва)

ПО СЛЕДАМ ПЕРМСКОГО ПЕРИОДА

Хроники одного путешествия

Фото автора

Новой локацией для меня в этом году стала Пермь. Был август. На переборку чемодана после путешествия в Мурманск ушло не так много времени, почти все вещи от той поездки пригодились.

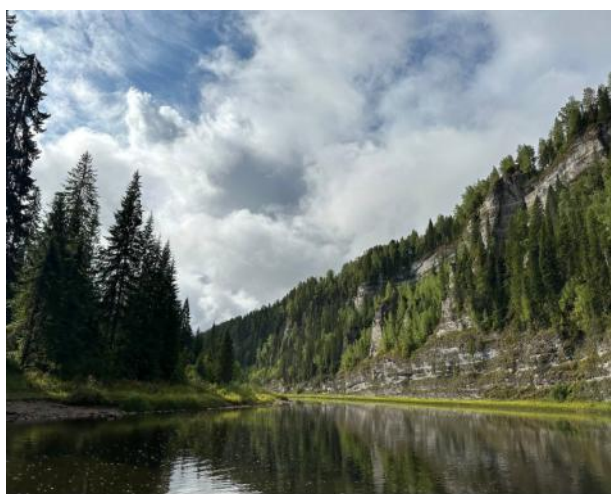

Пермь встретила дождем...

Крайней точкой этого путешествия должна была стать Республика Коми, куда я планировала прилететь на вертолете из Ныроба.

Но погода в Коми выдалась нелетной, поэтому северный Урал остается на «как-нибудь потом». Однако Пермский край не разочаровал, он оказался очень интересным и безумно красивым.

Одна из самых северных точек края – поселок Ныроб, это часов пять на машине от Перми. Как говорится, в Ныробе сидели, сидят и будут сидеть. В простонародье его называют городом узников. Да, тут есть несколько действующих колоний. Вдоль дороги тянется несколько рядов белых заборов с колючей проволокой. Зрелище не для слабонервных. Но история этих мест гласит, что в 1601 году сюда сослали Михаила Никитича Романова. Он целый год сидел здесь в яме, а дети из поселка подкармливали царя, за что их отцов сослали под караулом в Казань. Теперь на этом месте стоит часовня, рядом с часовней находится музей, в котором хранятся считающиеся чудотворными оковы Романова. В благодарность ныробскому народу за то, что те

Усьвинские столбы

река Усьва

Чертов палец

пытались продлить жизнь Михаилу, Романовы, придя к власти, воздвигли церковь в стиле барокко. Церковь не отреставрирована, однако некоторые фрески сохранились, в частности уцелело изображение святого Христофора.

Пермский край известен и тем, что тут снимали несколько фильмов по книгам Алексея Иванова: «Географ глобус пропил», «Время Пармы»...

Парма – одно из названий Перми Великой. Это слово произошло от финно-угорского словосочетания «холмы, поросшие лесом».

Еще в Москве решила: если буду в Перми – обязательно поеду на Усьвинские столбы.

Путешествие оказалось непростым. Сначала мы плыли на моторной лодке по Усьве, а потом небольшой трекинг к Чертову пальцу.

Не сказала бы, что подниматься в горку в дождь – голубая мечта путешественника. Но зато какая панорама открывается на дождливые леса Пермского края.

Недалеко от Усьвинских столбов расположен Каменный город.

Каменный город

Высота вершины Каменного города достигает 526 м. Скальный массив сложен мелкозернистыми кварцевыми песчаниками нижнего карбона. Они являются частью угленосной толщи, сформировавшейся в дельте большой реки несколько сотен миллионов лет назад. Тогда эта река впадала в Пермское море. Косая слоистость песчаников, которую можно заметить на скалах, связана именно с этими потоками воды.

*Каменный город.
Вид сверху*

Позже породы окаменевшего древнего русла в результате тектонических процессов поднялись вверх и между песчаниками образовались глубокие трещины и пустоты. С течением времени мороз, ветер и перепады температуры сделали свое дело – образовались причудливые останцы Каменного города.

Пермский период был установлен знаменитым шотландским геологом Родериком Мурчисоном, который приезжал в Россию по приглашению царского правительства для того, чтобы изучить геологическое строение европейской части России. Он совершил очень сложное путешествие от Москвы, Петербурга до Уральских гор. И в пределах Уральских гор, на территории Пермской губернии, обнаружил осадки, прямых аналогов которым он не знал в Европе.

В самой Перми тоже есть что посмотреть: арт-объект «Счастье не за горами», художественный и краеведческий музеи, Кама... Однако оставим их на следующий приезд в эту часть Урала.

Продолжение следует...

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscowbazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2023